

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
ЧЕРНАЯ
ОСЕНЬ

Колдовские миры Галины Гончаровой

Галина Гончарова

Черная осень

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Черная осень / Г. Д. Гончарова — «Эксмо», 2021 — (Колдовские миры Галины Гончаровой)

ISBN 978-5-04-155871-0

Люди верят в богов, а боги играют людьми. Желание богини позабавиться поменяло местами девушек из двух разных миров. Аня рождена принцессой, но в ее родной стране революция и разруха. Императорскую семью приговорили к смерти, и только воля богини спасает ее от гибели. Теперь ей предстоит адаптироваться в двадцать первом веке. Но сможет ли девушка выжить в современной России? Яна родилась и выросла дочерью лесника. Но волей судьбы она попадает в тело Анны за несколько секунд до смерти. Отбиться от врага, умея обращаться с оружием, несложно, а вот что дальше делать? И сможет ли она сделать хоть что-то в охваченной революционным безумием Русине?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155871-0

© Гончарова Г. Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Гончарова
Времена года. Черная осень

© Гончарова Г. Д., 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Всюду бегут дороги¹

Россия. 20... год

Яна шла домой. Ноги гудели, голова гудела, спину ломило...
Ей еще двадцати пяти нет, а сил... Сил тоже нет. Ничего, справится. И не с таким справлялась!

Дома ждал ее Смайлик – беспородный кот дворянской породы, здоровый и умный, как большинство беспородных котов.

Дом...

Дом – это там, где твои близкие? Как бы да. Но очень сложно считать своим домом хибару барачного типа. Квартирный дом, почти землянка, окна вровень с тротуаром... Трущоба. Гарлем чертов! Можно подобрать еще сто сравнений, и все они будут верными. И все они...

Все они будут матерными!

Вот представьте себе – невысокий длинный дом, построенный в форме буквы «П». По две квартиры в «ножах» буквы, одна в перекладине.

Квартирами это назвать сложно.

Входишь... то есть спускаешься – и попадаешь в длинный коридор. Из него три двери. Одна – в крохотную комнатку типа чулана, туда едва вмещаются кровать и тумбочка.

Вторая – в большую. Ну как – большую? Если комнату размером три на три квадратных метра можно назвать большой. Диван, шкаф, телевизор.

Третья – в совмещенный санузел. Унитаз – и рядом поддон для душа. Маленький, иначе они просто не поместятся. Но даже это – роскошь. Вот в соседней квартире живет тетя Катя – у нее вообще санузла нет. Зато во дворе есть сортир типа «деревенский обыкновенный».

Пять квартир.

Пять семей со своими историями.

Первая квартира – старый алкоголик дядя Леня. Жена умерла, дети решили отца не лечить, купили ему вскладчину эту хибару – и выставили. Пей на здоровье, спивайся, папаша.

Он так и поступает. И где только деньги на водку берет?

Где подработает, где выклянчит, где украдет. У Яны не просит. Один раз попробовал. Яна завернула ему руку за спину и внятно объяснила, что не подает. А вот наподдать покрепче – может. И будет больно.

Получилось доходчиво.

Вторая квартира – Яна и ее семейство. Кот Смайлик (изначально – Сталин, но Гошка переименовал) и сын Георгий.

Третья квартира – тетя Катя. Приехала в свое время девочка из деревни, работала на хлебозаводе, получила эту квартирку... а вот поменять или как-то улучшить жилищные условия не смогла. Всякое у людей бывает.

Тетя Катя человек одинокий, есть в деревне племянники-племянницы, но к ним не наездишься. И далеко, и желания у тети Кати нет. Они с Яной дружат.

Тетя Катя с Гошкой сидит, когда малыш дома, Яна ей денег подкидывает, продукты покупает... выживают вместе.

Четвертая квартира – Селюковы.

---

¹ Все названия глав взяты из стихотворения М. Цветаевой «Всюду бегут дороги...» (Прим. авт.)

Тамара Амировна и Андрей Владимирович. Вполне благополучная семья... так получилось. Сын женился. Две семьи, в двушке? Считай, перегрызутся все. Родители подумали, купили квартиру в ипотеку, а потом – как?

Ипотеку выплачивать надо. И если берешь ты сто тысяч – отдашь двести, такие уж у нас хорошие банковские условия, такие проценты... не миллионеры они, а пенсионеры.

Приняли решение.

Сына с женой оставили в родной квартире – тем более там жена беременная, ребенка ждет. Купленную квартиру сдали жильцам. Сами перебрались также на съемную квартиру.

В чем выгода?

Да в том, что эту хибару сдают за смешные копейки. А вот купленную можно сдать дорого. Район хороший, планировка, ремонт...

Руки у дяди Андрея не просто из нужного места растут – они золотые. Опустись на Землю аварийный космический корабль, он и корабль починит. А уж мелкую бытовую технику ему со всей улицы несут. И ремонт он делает легко и быстро. Хотя не бесплатно.

Яна считала, это справедливо. На водку найдется, на мастера – нет? Без ремонта проживешь!

Той же тете Кате дядя Андрей все ремонтировал бесплатно. То есть даром. Яне тоже пытался, но девушка в долгу быть не привыкла.

Пятая и последняя квартира.

Ольга Петровна.

Безумная активистка.

Рождаются же люди с моторчиком в попе и вечным митингом головного мозга – и сами нормально не живут, и никому жизни не дают. И не лечат их, вот что ужасно-то! Ей бы гидроэлектростанцией родиться – ан нет! Не повезло, человеком оказалась.

И началось...

Собирать подписи?

Ольга Петровна.

Деньги?

Ольга Петровна.

Бороться ЗА – Ольга Петровна.

Против? Опять Ольга Петровна...

И так весь день. Фигаро здесь, Фигаро там, а в результате – фигвам.

Муж активности не выдержал, удрал. Дети активности не выдержали. Удрали. Для верности – в другой город, но Ольга Петровна четыре раза в год туда летала. Наверное, это главное ее достоинство.

Остальное? Тоже достоинства. И упаси вас бог сказать нечто крамольное в радиусе километра от мадам-с. Загрызут. С наслаждением.

Телефон пискнул. Яна вытащила его из кармана и улыбнулась. На экране светилась смешная детская рожица с падающим на лоб чубчиком.

Ее малыш.

Гошка.

– Добрый вечер, солнышко мое.

– Мама, добрый вечер.

– Как у тебя прошел день?

– Я мультик смотрел про машинки.

– И как звали машинок?

Гошка пустился рассказывать о том, что видел сегодня на планшете. Яна слушала и улыбалась.

Ее сын.

Ее маленькое чудо.

Ее вина.

Порок сердца, так звучал диагноз Георгия. Приговор?

Нет. Не приговор, если у тебя есть руки, силы, есть возможности. Даже полностью сердце пересадить можно, если найдется донор, а уж операции...

Не бесплатно, увы.

Но ведь реально!

Сейчас ее малыш лежал в больнице. Яна все отдала бы, чтобы быть рядом с ним, но в реанимацию ее не допускали. Хорошо, хоть планшет и телефон разрешили. Ругались, конечно, но разрешили.

И хорошо, что лечение проходит успешно.

Заслушавшись, Яна не увидела плотную тень, которая метнулась к ней из переуллка.

Смяла, втолкнула в темноту, дыхнула в лицо ароматом нечищенных зубов и перегара и прошипела:

– Бабло давай, сука!!!

Яна действовала спокойно и уверенно, как привыкла.

– Телефон возьмешь?

– Да!

– Бери. А я пока достану деньги.

Мужчина, явно наркоман, лет сорока по виду, понял, что сопротивления ждать не придется, и чуть расслабился.

Лезвие ножа опустилось. И навстречу ему взлетели руки.

Телефон он и правда успел схватить. А больше ничего и не успел.

Четыре удара были нанесены – четко, как поставили.

Коленом в пах – отвлекающий, его обычно и ждут, пяткой в свод стопы – уже резко и жестко. Удар ладонями по ушам заставил его скорчиться, а добивающий, кулаком в горло, – опуститься навзничь... Сдохнет? Выживет?

Яну это интересовало меньше всего.

Второго врага, который подкрался сзади, она не заметила. И пропустила удар ножом в спину...

Холодно, как же холодно...

Яна повернулась к убившему ее человеку.

Она понимала, что удар смертелен, она видела такое, она знала...

Пара минут. Что она может сделать?

Только одно.

Слабеющая рука уронила сумочку. Из нее выпали несколько купюр – ей сегодня дали зарплату. Она хотела купить Гошке несколько игрушек – продукты у нее не возьмут, а вот игрушки она ему на планшет загрузить может...

Вторая рука скользнула в карман – не хотела, а придется...

Второй подонок шагнул, наклонился за деньгами...

Шило в руке Яны словно ожило. И нашло свою жертву.

Один удар.

Жесткий и сильный, в сердце – целилась туда, но слабеющая рука дрогнула. Впрочем, грабителю и этого хватило, чтобы свалиться.

– Сдохни, падаль.

Женщина упала рядом со своими убийцами. Первый, кажется, тоже кончался: наверное, она ударила слишком сильно... Плевать!

Гошка...

Ее малыш... он один останется...

Он в приют попадет...
ГОШКА!!!

Другой мысли у женщины в этот момент не было. И шевельнулись губы, шепча старое, откуда-то из детства взявшееся...

– Кровью и плотью, жизнью и смертью, душой и посмертием... я все отдам тому, кто защитит моего сына!

* * *

– Мадам Цветаеф, я должен с прискорбием сообщить: даже если лечение пройдет удачно, внуков у вас не будет.

– Черт побери!

Дорогая швейцарская клиника сияла. Новизной, чистотой, дороговизной... Больницу она практически не напоминала. Но запах...

Хлорки? Смеяться изволите?

Дезинфекции? Тоже нет, здесь применялись самые передовые средства, которые не пахли антисептиком, да и проветривали здесь, и воздух озонировали, и...

Нет.

Здесь царил совсем другой запах.

Запах человеческого горя и боли.

Вопреки всем заявлениям материалистов, страдания тоже имеют свой... запах?.. След? Ауру?

Здесь это ощущалось достаточно сильно. Даже в безумно дорогой клинике отделение для безнадежно больных – оно и есть отделение для безнадежно больных.

Сами больные, их родные, близкие...

Моложавой подтянутой женщине никто не дал бы ее пятидесяти пяти лет. Сорок? Да, возможно, может, даже тридцать пять. Пластические хирурги постарались.

Но стоило взглянуть ей в глаза...

Именно взгляд выдает людей. Хоть ты кожу с попы на голову натяни, а глаза все равно останутся усталыми, пустыми, безрадостными... старыми.

Сейчас глаза мадам Цветаеф, или Ольги Сергеевны Цветаевой, были именно такими.

Единственный сын...

Кровиночка родненькая...

Наркоман законченный.

Пока она работала, трудилась не покладая рук, приумножала и копила, сынок жил весело и счастливо. Тратил накопленное мамой, развлекался, валял дурака...

Это бы не беда. Накопила она столько – внукам правнуков на черную икорку хватит. Но в том-то и дело...

Мальчишка подсел на наркотики.

Она не заметила, а потом... потом было уже поздно. Какая-то хитрая синтетика...

Сына откачали, хотя он сейчас и напоминал овощ. Но...

Внуков у нее точно не будет. Эта дрянь действует и на репродуктивную систему в том числе...

И зачем тогда все это?

За что?!

Для кого она старалась?

– Постарайтесь сделать хоть что-то, доктор. И не ограничивайте себя в средствах.

– Поймите меня правильно, мадам Цветаеф. Разум пациента поврежден, и, возможно, необратимо. Генетический материал... возможно, пройдет не один год, прежде чем он вос-

становится достаточно. Можно попробовать искусственное оплодотворение, но поверьте, дети будут со значительными генетическими отклонениями.

Ольга Сергеевна поджала губы.

Внуки уроды?

Еще только этого ей не хватало! Неизвестно, что получится, потом еще лечи их... и тоже... нет, это бессмысленно. Хорошо еще, если отклонения будут только физические... хотя и тут ничего хорошего. А если в психике?

Нет, лучше с таким не связываться.

Но если нет другого выхода?!

– Если я правильно понял, молодой человек вел достаточно беспорядочную сексуальную жизнь? – вкрадчиво осведомился доктор.

– И что?! – рявкнула разозленная женщина.

– Неужели у него не осталось ни одного ребенка?

Ольга Сергеевна замолчала, словно на стену налетела.

– Доктор... я обдумую этот вопрос. Обещаю, я его серьезно обдумую.

Русина. Звенигород

– Тор Дрейл, вы совершили не просто преступление. Вы совершили ошибку.

Сидящий в кресле мужчина беспокойно шевельнулся. Второй, расхаживающий по комнате, повернулся к нему – и словно раскаленную спицу вогнал. Настолько неприятен был его взгляд...

Роскошно обставленная комната – резная мебель, парчовые шторы, толстые ковры, хрусталь и золото – показалась слишком маленькой и тесной. Наружу бы – и удрать!

А ведь кто-то обманывается, считая тора Вэлрайо милейшим существом. Этаким добрым дядюшкой вроде деда Мороза.

Как же!

Несмотря на щечки-яблочки, кругленькое брюшко и умильный взгляд, сущность тора Вэлрайо не изменится.

Это опасная ядовитая гадина. К примеру, каракурт.

Они тоже кругленькие, и не слишком большие, и даже симпатичные... кто-то же любит пауков. Кстати, и сам тор Вэлрайо их тоже любит, у него живет несколько здоровущих птице-едов.

Брр, гадость.

– Я не считаю мой поступок ошибкой, тор Вэлрайо. – Слейд Дрейл не собирался сдаваться без боя. – Финансы императорской семьи Русины находятся в нашем банке, и...

– И взять их оттуда никто не сможет еще двести лет.

– Всегда можно найти... аргументы для самых несговорчивых.

– Тор Дрейл, вы не понимаете? – Вэлрайо заходил по комнате. – Когда Петер Седьмой обратился к нам с просьбой вывезти его и его семью из охваченной войной Русины, вы согласились.

– Но потом ее величество Элоиза решила, что принимать у себя свергнутого кузена слишком опасно, – резонно указал тор Дрейл.

– И это действительно так. Петер был обречен – и он должен был умереть. Но вот его дети...

– Претенденты на престол?

– Через пару поколений – уже наши претенденты, тор Дрейл. Покорные, послушные, воспитанные в нужном ключе... ворота на континент.

Слейд склонил голову.

Действительно, об этом надо было подумать. Что ему стоило подменить одну из великих княжон на двойника? Найти подходящую девку...

Их столько бегают, да и внешность у девушек не самая яркая...

– Моя ошибка, тор Вэлрайо.

– Ваша, тор Дрейл. И я советую вам ее исправить, пока еще не слишком поздно.

– Но...

– Пошлите за Петером кого-нибудь из своих людей. Не стоит спасать свергнутого монарха, но кого-то из его детей... почему нет?

Слейд медленно склонил голову.

– Повинуюсь, тор Вэлрайо.

– Надеюсь, у вас есть подходящий человек?

Тор Дрейл поднял голову – и на его губах внезапно заиграла улыбка.

– О да. У меня есть подходящий человек, тор Вэлрайо. Он – есть.

* * *

– Братья! Соратники!!! Сегодня над нашими головами развевается знамя свободы! Свободы от тирании, свободы от оков, свободы...

Мужчина лет тридцати прищурился на оратора.

Эх, выстрелить бы...

Из револьвера он его снимет одной пулей...

Нельзя.

Надо отдать должное жому Пламенному (хотя, конечно, никакой он не Пламенный, это партийная кличка, равно как и у него самого – Тигр), он умеет руководить всем этим быдлом.

Толпа подчиняется ему словно оплаченная продажная девка. Ложится под него после первых же слов, провожает восхищенными взглядами, вздыхает, радуется...

Да что там, все это стадо просто счастливо обратит на себя благосклонное внимание повелителя...

Ладно, пока еще – не повелителя. Просто первого среди равных...

Забавно, правда?

Как важно правильно назвать всю эту... глупость!

Испокон веков более сильный правитель свергал и убивал более слабого правителя. Лилась кровь, делились троны, меняли головы, короны и венцы... Но назови все это узурпацией – и на тебя ополчатся все окружающие страны.

Как же!

Обычный человек, более того, не тор, ни разу не тор, а вовсе даже жом². И в правители?! Не бывать такому!

А если поднять знамя Освобождения? Если пообещать всем и каждому равноправие? Свободу, равенство, братство? Власть народу, свободу народу, волю народу... землю, воду, воздух... и прочную веревку, на которой его так удобно хоть водить, хоть вешать.

Главное – правильно назвать происходящее.

Жом Тигр, один из столпов Освобождения, посмотрел на часы.

Уже вечер. Уже... скоро? Или просто – уже?

Ничего, он вот-вот все узнает. Одним из первых.

Есть свои плюсы в том, чтобы быть в сильной стае, есть...

Жом Тигр, некогда просто жом Сергей Михеев, улыбнулся. Да, далеко его завела судьба...

---

² Тор – благородный по рождению, дворянин. Жом – обычный простолюдин. Женский вариант – тора, жама. (Прим. авт.)

Из родного села повела-закрутила... сначала с дядькой в город, когда голод был, родители его упросили уехать, не надеялись всех прокормить, потом его жизнь помотала, ох помотала... и воровство в ней было, и убивать случалось, каторга в ней была, и плети, и побег, церковно-приходская школа и ремесленное училище. Самообразование и прослушанные курсы университета за границей... чего не было?

Родного дома и не было.

Деньги он родителям присылал, весточки окольными путями получал, знал, что батьку в том году схоронили, что мамка плохая, что братья-сестры жизнь устроили, детей наплодили... а вот приехать...

Нет, не мог.

Боялся посмотреть матери в глаза.

Или не боялся? Не хотел?

Этого Сергей и сам не знал. И не хотел доискиваться до ответа. И домой ехать не хотел.

Намного приятнее стоять здесь, в тихом уголке, наблюдать за лицами людей на площади и понимать, что они – твои.

Ты можешь сделать с ними что пожелаешь.

Власть – заводит.

Сильнее страсти, слаще любви, слаще всего...

Власть и есть жизнь... и лишившись власти – ты лишаешься жизни. Как это, наверное, уже и произошло с отставным императором. Приказ жом Тигр уже отдал. А телеграф – отличная штука. Императора охраняют его люди, им хватит и намека.

Выполнят.

В стране не должно быть двух центров власти...

И по тонким губам мужчины скользнула хищная улыбка, как нельзя более отражающая его суть и подтверждающая партийную кличку.

Тигр, как он и есть.

Плотоядный.

Голодный.

* * *

– Мы присягу давали, ты, мразь!!!

– Тор Алексеев, не горячитесь, – мужчина в мундире подполковника поднял руки, словно признавая правоту собеседника и сдаваясь ему на милость. – Вы не правы.

– Да что вы, милостивый государь? – Алексеев разглядывал его с отвращением, как экзотическое насекомое.

Вроде бы и экзотика, но какая ж она... гадкая!

Омерзительная!

– И будьте любезны не ехидствовать, полковник, – огрызнулся собеседник. – Я такой же офицер, как и вы! И пулям не кланялся!

– А что, штаб обстреливали? – иронично уточнил полковник Алексеев.

Был полковник, что называется, погибель девичья. Лет тридцати – тридцати пяти, плечистый, светловолосый, сероглазый, с обаятельной улыбкой, а уж если в седле... или на балу... или на параде...

Девушки штабелями падали.

Даже, говорят, одна из великих княжон, но – тсс! За такое могли и голову снять. Или загнать командовать взводом туда, где и медведи не ходили.

– Я бы попросил, полковник, – поджал губы собеседник. – Поймите, вы сейчас уже никому не поможете и никого не спасете... это нереально.

– Неужели, тор Орлов?

– Что вы сделаете? Броситесь за императорским поездом, попытаетесь его остановить?

Но император уже приговорен, равно как и его семья. Вы ничего не успеете...

– Если я не спасу, так хоть отомстить успею. Или вы хотите отдать Русину – в руки этих?

Последнее слово было произнесено просто с неподражаемой интонацией. Отвращение, безгласность, неприятие, даже смущение чуточку – о таком в приличном обществе и говорить-то стыдно.

– Полковник, согласитесь, Петер Седьмой разочаровал всех, кого мог. Его решения...

– Если вы так говорите, тор Орлов, полагаю, вы знаете и кого надо поддерживать? – понятливо кивнул полковник.

Тор Орлов улыбнулся.

Ну вот, а крику-то было... как девственницу уговаривать, честное слово! Все полковник правильно понял, и уговаривать практически не пришлось.

Да и в чем он соврал-то?

Петера действительно не спасти.

А значит, надо поддержать наиболее достойного из претендентов...

– Его высочество Гавриил станет отличным правителем, я даже не сомневаюсь.

– Гаврюша, значит, – с непонятной интонацией протянул полковник.

– Тор!.. – приподнялся подполковник Орлов. Но сделать ничего не успел.

В челюсть ему врезался тяжелый кулак.

Мужчина отлетел в угол, пару раз дернул ногами – и затих.

Полковник потер кулак. М-да... надо было осторожнее, опять печатка в палец впиалась, синяк будет. Ничего, переживем.

Значит, его высочество Гаврюша, великий князь, будь он неладен, решил, что будет лучше смотреться на троне Русины?

Вот кто бы сомневался. Хочется ему корону, аж седалище свербит...

– Колька!

Денщик влетел пулей.

– Вытащи это отсюда.

– Тор... да как же это...

– И определи на гауптвахту. Пусть посидит пару недель.

Алексеев подумал секунду, а потом решительно рванул с плеч собеседника погоню.

– Вот так... будешь ты меня на измену подбивать, мразь!

– Тор... – Денщик даже попятился от такого поворота событий.

– Рот прикрой – и действуй!

Денщик подхватил бесчувственное тело – и потащил из кабинета.

Полковник Алексеев подошел к стене, посмотрел на карту.

Может, он и не успеет...

Где сейчас императорский поезд?

Последний раз вести они получили из маленького городка с названием Зараево. Наверное, туда и надо направить верных людей...

Еще он всякую паскуду не поддерживал!

Император Гаврюша!

Бред! Нонсенс! Издевательство!

Тьфу!

* * *

– Все же это очень вульгарно...

Означенный Гавриил в этот момент прикалывал к одежде белую розу.
Символ Освобождения.

Розу ему срезали в оранжерее – в это время года они уже не цветут. Великолепный цветок сорта «Императорский звездочет» смотрелся как-то... своеобразно.

Белоснежный, с легкой синевой. За букет таких цветов по весу золотом платят – и радуются, что дешево достались. И такой цветок срезать в угоду быдлу?!

На какие только жертвы не пойдешь ради трона Русины!

И все равно – не смотрелось!

Наверное, потому, что на военном мундире любой цветок не слишком уместен. Другое дело – ордена... но его высочество великий князь Гавриил ни разу в жизни не воевал.

Генералом числился.

Но воевать?

Смеяться изволите?

Это же война. Там грязно, там всякое быдло, там... там так неэстетично!

Князь никому не признавался, но ему попросту было страшно. Это всякая плесень вроде жомов может рисковать собой. Их тысячи и миллионы, их не жалко.

А он?

Он один, он уникальный, он единственный... если его убьют, кто позаботится об империи?

Племянник не способен, а больше и некому... Не его же девкам? Это даже смешно! Император!

Пятерых девок наплодил, старшей двадцать пять, младшей пятнадцать, а толку? Ни одну из них даже замуж не выдать – порченная кровь. Все в мамашку свою пошли...

Угораздило братца жениться!

Не планировал никто, что Петер сядет на трон! У него были два старших брата, их и готовили, обучали, наставляли, натаскивали на власть, как гончака на дичь...

Никлас погиб в результате покушения.

Андрея сожрала чахотка.

И остался Петер. Не самый лучший, не самый умный, да к тому времени еще и женатый. И на ком!

На представительнице захудалого рода Шеллес-Альденских, которые во все времена славились одним и тем же. Не рожали они мужчин. Вообще не рожали. А если и появлялись в их семье мальчики, так долго не жили. Сгорали в год-два от непонятных хворей... впрочем, последний такой случай и был-то лет сто пятьдесят тому назад. А с тех пор – никого.

Петеру разрешили жениться на любимой женщине только потому, что он был третьим, нужно было уж вовсе страшное стечение обстоятельств, чтобы ему – и на трон...

Так и получилось. Не рассчитал отец...

Эх, отец!

Что тебе стоило оставить трон мне, не Алексиусу? Алексиус, брат Гавриила и отец Петера, был неплохим императором, но очень уж мягким. Страшно сказать – он даже собирался смертную казнь отменить! И приговоры предпочитал без смертей...

Не расстрел, а каторга. Или высылка. Или...

Вот и доигрался.

Прилетела бомба – и наштиговала свинцом и его, и Никласа. Чудом братец выжил, чтобы через пару дней помереть от яда.

Бомбисты, будь они неладны, в бомбу чего-то напихали да ядом все залили. И то чудо, что брат два дня продержался, успел распоряжения отдать.

А Андрей и того раньше умер. Вот и остался один Петер... болван.

Хоть дочерей бы замуж выдал, или еще как... да кто ж на них женится? В любом браке что надо?

Чтобы наследник был!

А эти... гнилое семя, дурное племя...

Предлагал Гавриил племяннику: возьми наследником Мишеля, моего сына... нет, уперся. Ну и поплатился, болван, за свои убеждения...

О, легок на помине...

– Мишель?

– Отец.

Сын был великолепен в форме кавалергарда. Гавриил искренне залюбовался отпрыском. Вот таким и должен быть истинный император.

Высокий, стройный, с черными кудрями, картинно падающими на высокий лоб, кареглазый, с ослепительной улыбкой...

Ум?

Да уж справится как-нибудь, если Петер справлялся...

О том, что Петер как раз и НЕ справился, Гавриил не подумал, вот еще не хватало. Вместо этого он приветствовал сына.

– Приколи розу. Ты откуда?

– Из Звенигорода.

– И что там?

– Принят манифест об Освобождении.

– Замечательно.

– Некто жом Пламенный выступает с речами.

– Пламенный... простонародье, – презрительно скривил губы князь.

– Да, отец.

– Что с полками?

– Третий и седьмой гвардейский на нашей стороне, я позволил себе послать гонцов к генералам Калинину и Логинову.

– Так... ответ был?

– Ждем.

– Поддержка Калинина нам не помешала бы... не помешает в нужный момент...

– Насчет Логинова я не уверен, все же Освобождение, а он из жомов...

– Да уж! Додумался братец, всякое быдло в генералы жаловать... запомни и не повторяй его ошибок! Быдло не знает благодарности.

Князь презрительно скривил губы.

Его сын послушно склонил голову.

Фигуры уже расставлены на доске. Но каков будет первый шаг?

Великий князь свой выбор сделал.

Русина, окрестности г. Зараево

– Мама, нам надо бежать.

Княжне Анне всю ночь снился один и тот же страшный сон.

Она падает.

Ее толкает сильная рука, она падает в яму, и небо над головой все отдаляется и отдаляется, а потом его и вовсе закрывает нечто...

Темное, страшное... И она понимает: ее похоронили заживо.

Страшно...

Боже мой, как же страшно...

– Аннет, держи себя в руках.

Ее императорское величество Аделина сморщила точеный носик. И Анна невольно вздохнула.

Мать очаровательна.

Недаром отец в нее влюбился, еще когда она была всего лишь княжной Аделиной. Женился, позабыв о проклятии, потом сделал императрицей.

Как ему ни говорили, что в роду будут только девочки, как ни убеждали, как ни ругался отец... то есть дедушка... Все бесполезно.

Ее величество действительно была очаровательна. Даже сейчас, в сорок с лишним лет, подарив мужу пятерых детей, она выглядела едва ли не ровесницей старшей дочери. И тревога лишь добавляла ей очарования.

Точеное лицо, платиновые волосы, хрупкая фигурка...

Аня выглядела совсем иначе. Она пошла в отца. Те же каштановые волосы, те же карие глаза, вздернутый нос, круглое лицо, да и фигура скорее крепкая, чем хрупкая. У нее запястья чуть не в два раза толще маминых...

Она и Лидия, которую в семье зовут Диди, – копии отца, остальные три сестры похожи на мать. А они вот получились неудачными, так мама говорит. И мужа им найти будет сложно...

Хотя если бы ей разрешили...

Аня на миг нырнула в воспоминания, в самые заветные и сокровенные, черпая из них силу.

Вот она кружится на балу с молодым офицером, вот они целуются на балконе, а вот...

Это уж вовсе запретное, о таком и думать рядом с маменькой нельзя.

Но...

Именно оно придает сил и заставляет биться сердце.

– Маменька, мы должны уходить. Вы не понимаете...

– Нет, не понимаю.

Аделина Шеллес-Альденская решительно пресекала все бунты в своем семействе. Железной рукой.

– Нас убьют, – шепнула Анна то, что поняла уже давно. – Нас никто не отпустит, нас всех убьют...

И сама сжалась в комок от того, что произнесла.

Мать смотрела на нее как на дурочку.

– Анна, вы не в своем уме. Никто не осмелится поднять руку на императора.

– Бывшего императора, матушка. Бывшего...

– Мы просто уедем за границу, Аннет, и будем там жить...

– Маменька, если вы не хотите уходить, отпустите со мной хотя бы Нини. Не обрекайте ее на смерть, она ведь ребенок еще...

– Замолчите, Аннет. Идите почитайте Книгу Веры. Сейчас это вам необходимо...

Анна скрипнула зубами, присела в реверансе и вышла вон. А у себя в комнате заметалась, словно раненое животное...

Ах, отец, отец...

Почему никто не видит?

Не понимает, не чувствует?

Почему только внутри ее словно сжимается какая-то пружина и она чувствует себя зверем в ловушке? Почему?!

Анна прикусила губы.

Нет, просто так она не сдастся...

Ах, отец, что же ты наделал. Может, попробовать поговорить с ним? Где он может быть сейчас?

Странный вопрос.
Он молится.

* * *

Анна застыла на пороге часовни.
Несколько минут она смотрела на отца, который коленопреклоненно лобызал икону Помощи Скорбящим, а потом кашлянула и решительно вошла внутрь.

– Папа...

– Аннушка?

Отец был ей искренне рад.

Первенка, любимица, обожаемая малышка, копия папы...

Именно отец помог ей тогда... помог как мог и как сумел.

Ах, если бы...

Анна пробежала через часовню и повисла у отца на шее.

– Отец, умоляю, выслушайте меня!

– Да, Аннушка?

– Нам надо бежать.

Вот она и сказала это отцу. Сказала без разрешения маменьки. Сказала...

Петер изумленно поднял брови.

– Бежать? Куда и зачем?!

– Отец, разве вы не понимаете, к чему все идет? – Анна едва не плакала. – Они убьют нас, они нас просто убьют...

– Аннушка, дочка, ты просто немного нервничаешь. Но не переживай, как только мы уедем отсюда, сразу дадим телеграмму Гаврюше, и он нам поможет...

Анна согласилась бы себе левое ухо отрезать, лишь бы не посвящать дядю Гавриила в свою тайну.

Она терпеть не могла этого напыщенного, слащавого, заносчивого...

Гр-р-р-р-р!

Каких слов ни подбери, а все мало.

Анна прикрыла глаза и попробовала еще раз:

– Папенька, неужели вы не видите, к чему идет дело? Сначала нас согласились отпустить и даже предоставили поезд, чтобы добраться до побережья. Потом выяснилось, что тетюшка Элоиза нас не примет, и мы задержались на неделю. Потом мы решили уехать в Ламермур, но выяснилось, что на путях идет ремонт. И вот в результате мы здесь, в Зараево, и никто о нас не знает. Сюда даже почта не доходит... мы в полной ИХ власти.

Петер ласково погладил дочку по каштановым кудрям.

– Аннушка, не переживай. Нам ведь все объяснили...

– Папенька, им нельзя верить! Умоляю...

Скрипнула дверь часовни.

Анна обернулась – и с одного взгляда поняла: поздно.

Непоправимо поздно.

* * *

На пороге часовни стояли двое молодых людей. Обоих она знала, к обоим привыкла. Оба давно уже были среди их охраны... Назовем вещи своими именами: среди их сторожей. Конвоя...

Этих людей волновала не безопасность императорской семьи.

Их волновало, чтобы никто не сбежал, Анна это отчетливо понимала...
Обычно они были...

Нет.

Сейчас они были другими. Напряженными. Будто на взводе, приготовились к прыжку.

Словно...

– Пройдемте с нами, жом Петер.

Отец поднял брови.

– Что случилось? Обычно...

– Пройдемте, – повторил еще суше второй, тот, который постарше.

Более молодой (Анна даже знала – его зовут Дима, слышала в разговорах) посмотрел на нее – и отвел глаза.

Словно...

Словно ему было и стыдно, и больно, и сделать он ничего не мог...

Анна прикусила губу так, что ощутила во рту вкус собственной крови.

Неужели?

Неужели – конец?!

– Папенька, я боюсь...

Прильнуть к груди отца.

Она слабая, она хрупкая, она в слезах... и никто не замечает, что из-за пояса отца к ней в руку переключал парадный кортик. А там и исчез в складках платья.

Даже отец ничего не сказал. Видимо, растерялся.

А Анну словно какая-то сила вела.

Смерть?

Так хоть не овцой на бойне!

Ей нельзя умирать, нельзя...

Именно ей нельзя, но...

В доме они обнаружили всех родных, собранных в одной комнате. Анна прикусила губу.

Да, похоже...

Вот маман, недовольная – ее оторвали от вышивания. Вот Диди, вот Нини, Мими и Эсси.

Растерянные, не верящие в худшее, и...

А вот и новые действующие лица.

Мужчина средних лет, с серым, невыразительным лицом, сидящий в кресле. Полноватый, волосы острижены под горшок, усы щеточкой... лицо лавочника или аптекаря. Лицо совершенно обычного человека, по которому скользнешь взглядом – и не обратишь внимания.

Если бы не глаза.

Они у него светло-карие, и такие...

Анна не сразу подобрала определение.

Такие глаза бывают у человека, которому все равно – убивать или нет. Он будет копать землю и резать людей с одинаковым выражением лица, он не различает.

Он даже не чудовище...

Бывают монстры, а бывают...

Бездушные.

Страшная сказка, рассказанная на ночь.

Бездушный, да...

– Для чего вы побеспокоили нас, жом...

– Жом Хваткий. Можете называть меня так, – откликнулся мужчина, не выказывая желания встать даже из вежливости. Маменька кривилась от такого нарушения всех правил, но пока еще молчала. – Я прибыл сюда, жом Воронов, чтобы сообщить вам о принятом Комитетом Освобождения решении.

– Решении?

– В отношении вашей судьбы, жом Воронов.

– Слушаю вас?

Голос отца не дрожал.

А вот Анна...

Анна украдкой оглядывалась, но выхода не видела.

Они все в одной комнате, двери заперты, рядом с ними стоят солдаты, вооруженные, и снаружи наверняка тоже.

Ах, было бы у нее оружие!

Анна ненавидела охоту, но здесь и сейчас она бы выстрелила в любого, кто встанет между ней и свободой.

Раньше надо было думать, дуреха!

Не полагаться на отца, на мать, не ждать милости от подонков, а решать самой... неужели вся ее решимость осталась там, в Звенигороде?

Дура, дважды и трижды дура!

Мужчина встал из кресла, медленно прошелся по комнате. И Анна видела: он наслаждается своей властью. Он счастлив... отчего?!

Ответ она знала слишком хорошо. Только признаться себе боялась.

Мужчина достал лист бумаги, взгляделся.

– Комитет Освобождения постановил, что жом Воронов и его семья виновны в преступлениях против народа Русины. Волей народа жом Воронов, а также все члены его семьи приговариваются к смертной казни через расстрел.

Петер медленно поднял руку ко рту...

– Но за что?! Мы же все отдали...

Мужчина оскалился.

– Так-таки все?! А кто ответит за тех людей, в смерти которых ты виновен? Кто?!

– Я... Была война!

– Тобой развязанная и тобой проигранная, ты, ничтожество...

Петер словно съеживался на глазах.

– Но... вы не можете! – подала голос Аделина. – Небеса вас покарают!

– Я бы тебя...

Грубое слово заставило Анну поежиться – и отступить к стене. Потянуть за собой оказавшуюся рядом Нини. Хоть кого закрыть...

– Да брезгую, ..., и ...!

Аделина побелела как мел.

– Мразь!

– Детей хотя бы пощадите! – умоляюще произнес Петер. – Это же дети!

– Такие же мрази, как и ты! – рявкнул мужчина. – Хорош, жомы! Кончаем этих!

Анна толкнула Нини к стене, загоразивая собой.

Она еще успела увидеть, как вскидывают оружие мужчины, как неправдоподобно медленно летят пули, а потом нечто ударило ее с дикой силой в живот, отбросило на Нини, выбило дыхание и сознание...

И в последнюю свою секунду она думала не о себе.

Единственной ее мыслью было:

Мне нельзя уходить!!! Кровью и плотью, жизнью и смертью, душой и посмертием... я все отдам тому, кто защитит моего сына!

Вне времен и миров

Яна открыла глаза.

«Я что, жива? А как?..»

Впрочем, долго радоваться неожиданному подарку судьбы она не собиралась. Перевернулась на бок и попробовала встать.

Странно, но у нее ничего не болело. А спина?

Этот подонок ее в спину ударил, она и ползать-то не должна сейчас.

А она?

Яна огляделась вокруг.

– Жеваные мухоморы!

И было отчего ругаться.

Больше всего место, в котором она оказалась, напоминало чертог Снежной королевы. Так, как представляли его советские мультипликаторы.

Острые грани кристаллов, блестящие ледяные полы, потолки невероятной высоты, все это блестит, переливается, декорировано какими-то звездами и прочей роскошью...

Яна ощутила себя плевком на роскошном полу и кое-как приподнялась на локтях.

– Не больно. Но ни фига не понятно.

И словно в ответ ей слева послышался стон.

* * *

Анна чувствовала себя замечательно.

Голова не болела.

И ржавый капкан в груди словно бы разжал свои когти... надолго ли?

Она огляделась вокруг.

Где она?

Где ее семья?

Что происходит?

Хм...

Явно происходило нечто странное. Непривычное...

Она находилась в роскошном зале – даже у них во дворце бальный зал был меньше. Но для чего предназначен этот зал, Анна понять не могла.

Он не бальный, не тренировочный, не...

Да он вообще ни для чего не годится со всеми этими сталактитами и сталагмитами! И это не природная пещера, в пещерах не бывает такой резьбы, а вон там, если она не ошибается, колонна украшена...

Бриллиантами?

Да камней такой цены у них в сокровищнице нет!

И это не страз, Анна понимала...

Да что здесь происходит?!

– Жеваные мухоморы!

Анна встрепенулась.

Она здесь не одна?!

Можно у кого-то узнать, что происходит?!

Девушка развернулась в ту сторону, откуда раздавался голос. Попробовала встать и пойти.

Это оказалось несложно.

Шаг, другой...

* * *

Две девушки смотрели друг на друга.

Молчали.

Оценивали.

Яна видела перед собой нечто непонятное. Какая-то странная девица, сейчас в монастырях и то моднее ходят! Длинные волосы уложены в прическу, коса заколота вокруг головы шпильками с какими-то идиотскими пчелками и цветочками, платье вообще неясно из какого века вынырнуло. Цвет мочи молодого поросенка, Яна в жизни бы такое не нацепила. Долгое, все в рюшечках и оборочках, с глухим воротом, клеш от груди...

Фигня какая-то!

Анна тоже была в недоумении. Чего бы она ни ждала, но...

Разве это – женщина?!

Разве женщины ТАК одеваются?!

Перед ней стояла девица непонятного сословия. Коротко остриженные волосы – актриса? Кожаная куртка, как у авиаторов, а потом... штаны?!

Женщина в штанах?

Да за такое проклянут! От церкви отлучат!!!

Ладно еще под юбку брюки надеть, но чтобы открыто?!

И что это у нее на ногах? Какие-то странные ботинки, еще и шнурки разноцветные...

Ничего не ясно...

Анна протянула вперед руку.

– Кто вы, тора? Мое имя Анна, я дочь тора Петера Воронова.

– Еврейка, что ли? – прищурилась Яна. – Я... я тоже, наверное... зови меня Яной. Мать у меня действительно еврейка, но мне, честно говоря, плевать, где она сейчас.

– Что такое еврейка?

На этот раз растерялась Яна.

– Ну... ты же сама сказала – тора?

– Ах, так вы из благородных? – Анна выдохнула с облегчением. Странности начинали находить свои объяснения... наверное.

Объяснения девушек прервал тихий смешок.

– Вы обе – из благородных, хотя одна из вас и не знала об этом.

Девушки разом обернулись.

К ним подходила женщина.

Высокая, стройная, в длинном сером платье, которое оценила даже Яна. А Анна так и просто замерла в невольном восхищении.

Платье было словно сшито из бриллиантовых нитей и искрилось так, что глазам было больно. Но свою обладательницу оно не затмевало.

Идеально правильные черты лица.

Именно так.

Идеально правильные.

Высокий лоб, точеный нос, идеальной формы овал лица, словно рубинами выложенные губы – красота из тех, на которую хочется смотреть даже не годами – веками. Красота вне времени и моды.

Красота безусловная.

Громадные черные глаза на тонком лице – и при этом совершенно белоснежные платиновые волосы, уложенные в сложную прическу.

Матовая белая кожа без малейшего румянца.

А руки!

Хотите узнать, тор перед вами или жом? Смотрите на руки, они совершенно разные. И не из-за мозолей и шрамов, тор тоже может работать, а жом пребывать в праздности. Из-за строения рук.

У женщины были руки настоящей аристократки. Тонкие, изящные, с длинными пальцами, с идеальной формы ногтями... Единственное кольцо с черным бриллиантом в форме ромба только подчеркивало их совершенство.

Яна опомнилась первой. Анна все же была более робкой.

– А вы, простите, кто? Сестра милосердия?

Женщина от души расхохоталась. И вот тут вздрогнули обе девушки. Словно за шиворот им по ледышке бросили.

– Я? Забавно. Так меня еще не называли...

– А как вас называли, тора?

Анна решила быть предельно вежливой. Что-то подсказывало ей, что оскорблять местную повелительницу смертельно опасно. А если так...

– Умная девочка. В вашем мире меня называют Хелла. А в мире твоей собеседницы – Хель.

Яна открыла рот.

Анна тоже.

Вот в этот раз у них реакция оказалась одинаковой.

– Не может быть!

Прозвучало так слитно, словно девушки год репетировали. Хелла или Хель рассмеялась снова, заставляя собеседниц поежиться.

– Да неужели? И почему?

– Потому что Хелла изображается как скелет в драной мантии, и с волчьей головой, – честно ответила Анна. А что? Ведь так и изображалась...

– Никакого вкуса у живописцев, – продолжала веселиться женщина. – Я не такая...

– Но и не состоящее из двух половин чудовище, – пробормотала Яна. Кое-что из скандинавской мифологии она слышала, и про Хель тоже. – Дочь Локи и Ангрбоды? Богиня смерти?

– Угадала, – кивнула... богиня? – Я действительно богиня смерти.

– А почему мы здесь? – уточнила Анна, начиная подозревать нечто нехорошее.

– Потому что вы – умерли.

Анна открыла рот и икнула.

Яна не икала. Но сказанное ею лучше было не цитировать, если только пьяному сантехнику под настроение.

– А почему я чувствую себя живой?

– Потому что вы в моих чертогах.

Яна потеряла нос. Но прежде, чем она решила задать следующий вопрос...

– За что именно нам такая честь?

Соображает соседка.

Хель смотрела несколько секунд, серьезно и вдумчиво. А потом махнула рукой.

– Садитесь, девочки.

Из пола принялись расти два кресла. Словно тюльпаны – выпустили ножки, раскрыли лепестки, и Яна осторожно опустилась на одно из них.

Удобно.

В меру мягко, в меру твердо, попу не натрешь, но и не провалишься.

– Спасибо.

– Благодарю вас.

Хель с иронией смотрела на девушек. Даже то, как они сидят...

Анна – вытянувшись в линеечку, спина идеально прямая, подбородок поднят, руки сложены на коленях, поза полна непринужденного изящества.

Яна – откидывается назад, пробуя кресло, потом наклоняется вперед и сосредотачивает все свое внимание на богине. Какое уж там изящество? Ноги раздвинуты, руки упираются в колени...

Разные девочки.

Очень разные...

И в то же время...

– Вы попали сюда потому, что в вашей родне были мои жрицы.

Два рта приоткрылись совершенно одинаково. Буковкой «О».

Яна опомнилась первой.

– Ну... наверное, возможно. Чисто гипотетически, к нам на Русь кто только не шлялся. Могли и оставить генофонд. А это как-то повлияло? Или повлияет на нашу смерть?

Анна покачала головой.

– Отец никогда ни о чем таком не рассказывал. А мы знаем свою родословную, на протяжении тысячи лет... это было раньше?

Хель снова качнула головой.

– Позже. Намного позже, еще двести лет тому назад. Мать первого царя из династии Вороновых принадлежала к роду моих жриц.

– Ой...

– Она принесла мне в жертву последнего сына прошлой династии, ребенка царской крови, и я позволила Вороновым занять престол.

– Ой...

Анна закрыла рот ладонью. Ее, кажется, затошнило.

– А у меня кто был? Не скажете? – Яна не удержалась. Любопытно же!

– А у тебя история идет в прошлое еще дальше. Фамилию Романовы слышала?

– Да их столько было...

– Последний император.

Яна выругалась еще раз.

– Вы серьезно? Это... вот это, которое страну просрало и до революции довело, – мой предок?!

– И самый прямой.

Кажется, богиня наслаждалась происходящим. Девушки ее определенно забавляли.

– Но – как?! У него же жена с гемофилией, мы, по идее, тоже должны... туда?

– Не совсем. Болезнь может передаться девочкам – или не передаться. Точнее, вы можете перенести ее своим детям – или не перенести. Рисковать никто не хотел, конечно же. Порченная кровь. Но одна из дочерей последнего императора все же решилась. Она полюбила, она родила ребенка от любимого человека и отдала его на воспитание. Не хотела, но любимый человек настоял. Он был ей не ровня, он понимал, что император его уничтожит... жениться точно не разрешили бы, а что будет с ребенком? Так что малыша отдали его родной тетке. Та была бездетна и не стала спорить с братом. Потом началась Гражданская война, великая княжна погибла, ее любимый тоже сгинул на фронте, а их ребенок выжил. Хотя приемная мать и не рассказала ему ни о чем. Так было спокойнее и безопаснее, в первую очередь для малыша. И – да. Он родился полностью здоровым. Мальчик вырос, у него был сын, внук – и наконец родилась ты, Анна.

Яна фыркнула.

– Терпеть не могу это имя. Дебильное.

– Хорошо. Яна.

Яна медленно кивнула.

– Понятно. Предок у меня, конечно, дрянь. Ну и ладно, мне плевать два раза!

– Это твоя кровь.

Яна потерла лоб.

– Что сказали – спасибо. Но... я вам честно скажу, если б меня сейчас признали... на фиг такую родню! Кстати, а почему я тогда не Романова?

– А ты бы хотела жить с такой фамилией – ТОГДА?

Яна подумала и покачала головой.

Это как во время Великой Отечественной ходить в кожаном пальто и орать «руссиш швайн». Пришибут к чертовой матери.

– Твой предок тоже хотел жить. И поменял фамилию, благо это было недорого.

– Спасибо за разъяснения. Но все равно мне это... даже слышать такое – и то жутко. Уж простите.

– Понятно. А ты, девочка?

Анна вздохнула.

– Это – моя кровь. И...

– И история у тебя та же самая, верно?

Великая княжна кивнула с самым несчастным выражением лица.

– Да. Но...

Хель подняла руку.

– Предупреждая ваши вопросы – вы обе умерли. И перед смертью воззвали ко мне.

Несколько секунд девочки молчали. А потом...

– Ой...

– Ёпта...

– Осталось решить, что мы будем делать дальше, – с милой улыбкой добила их богиня.

Яна подняла руку, словно примерная школьница.

– Можно? – Дождалась благосклонного кивка и продолжила: – Я правильно понимаю, что есть еще какое-то решение? Кроме смерти?

– Правильно.

– У меня сын. И я не могу его бросить.

– И у меня сын. – Анна распрямилла плечи еще сильнее. – Если что-то нужно сделать... только скажите!

Хель искривила губы.

– Сын... и у одной, и у второй... только вот матери думают о детях лишь на пороге смерти.

– Что?! – Яна даже подобралась. – Вы не смеете!

– Молчать, – ледяным тоном приказала богиня. – Ты забеременела по глупости. И вот это – твоя вина. Помнишь? Твои вечеринки в первый месяц беременности?

– Но я же не знала!

– Догадывалась. И надеялась, что само рассосется или будет выкидыш. Разве нет?

Яна опустила голову.

На колени капнула слезинка, вторая...

– Да. Дура была...

– И осталась. Вторая еще лучше – бросить ребенка на произвол судьбы... тебе рассказать, что сейчас творится в Звенигороде?

Анна выглядела не лучше.

– Я виновата.

Хель чуть смягчилась.

– Что ж. У вас действительно есть шанс. Вы потомки моих жриц, вы воззвали ко мне, вы пообещали – все. Поэтому я дам вам шанс.

Девушки резко выпрямились.

– У вас будет возможность вернуться. На год.

– На год?!

– Не перебивай.

Яна послушно заткнулась и даже рот себе рукой зажала. Чтобы не ляпнуть чего не надо. Год?!

За этот год она моря выпьет и горы свернет! Лишь бы Гошка... да, была душой! И что? Никто и никогда не бывал?

И веселилась с парнем!

И не подумала.

И пила, и травку попробовала... ей же двадцать лет было! Даже девятнадцать! Второкурсница!

Чего от нее было ждать?! Гениальности Эйнштейна?! Так он в физике был гений, а в семье... Несколько жен, дети с отклонениями, куча любовниц... Гениальности это не отменяло, но жить-то с ним как?!

– Мое условие. За год вы должны спасти детей. Ребенок должен быть спокоен за свою жизнь. И если я сочту, что условие не выполнено, пеняйте на себя.

Девушки закивали.

– Ребенок должен быть здоров, обеспечен, устроен – надеюсь, это понятно обеим?

Опять согласные кивки.

– Второе условие – четыре жертвы.

Девушки переглянулись.

– Жертвы?

– Да. Сразу уточняю: человеческие жертвы. Петухов, попугаев и крыс из зоомагазина не предлагать. – Богиня явно издевалась. – Четыре человека, убитые... Впрочем, как и где вы их убьете – непринципиально. Можете просто сказать: тебе, Хель.

Девушки переглянулись.

Во взгляде Анны был ужас.

Во взгляде Яны...

У девушки была своеобразная биография. И она искренне считала, что жертва... К примеру, какой-нибудь милейший маньяк. Или педофил. Или просто убийца...

Яна подняла руку.

– Да?

– А моральные качества жертвы? Ну там... девственница или что-то еще...

– Безразлично.

Яна кивнула. Вот так, навскидку, она могла бы принести в жертву богине своего начальника, наркомана из соседнего двора и трех теток из жилконторы. Главное – отловить.

– Я никогда не...

Яна пнула соседку по ноге. Сильно.

– А...

– От этого зависит жизнь твоего ребенка.

– Я согласна.

Яна и не сомневалась. Нормальная мать за своего ребенка не то что маньяка порешит – она целый город напалмом зальет. И не задумается. Это – материнский инстинкт.

– А чтобы вы не думали, что я такой уж изверг... я могу помочь вам лишь одним. После принесения четвертой жертвы вам будет доступна сила вашего рода.

Девушки наострили уши.

Увы, полученное не обрадовало.

– Вы сможете приказать человеку умереть. Условие – вы должны быть рядом с ним и видеть его.

Яна задумалась.

Полезное, вообще-то, умение.

– А одному или несколькими?

– Одному. Только одному. А если несколькими – сама за ними уйдешь. Ко мне.

Улыбка у Хель была...

Брр.

Вроде и красивая, а жуть берет. Хотя ни клыков, ни крови, а вот поди ж ты.

Яна медленно кивнула.

– Быть рядом и видеть, кому приказываешь?

– Да.

– Это тоже будет... жертва?

– Да.

Яна медленно кивнула. Она поняла.

А вот Анна...

– Я... я никогда... я не знаю. Я постараюсь.

Хель пожала плечами.

– Старайся. К сожалению, отправить вас в родные миры я не смогу. Для своих миров вы умерли.

Анна сообразила первой.

– Получается... вы можете отправить меня – в ее мир, а ее – в мой?

– Да.

– Но мой ребенок...

– Ты позаботишься о ее ребенке, она – о твоём. Подведете друг друга – все умрете. И дети ваши погибнут.

Анна всхлипнула.

– Жоржи...

Яна подняла брови.

– Как зовут твоего сына?

– Георгий.

– И моего...

Женщины переглянулись, обретая нечто вроде... понимания. Яна даже телефон по карманам поискала, но телефоны магия не предусматривала.

– Ох... а как же она? Если она из невесть какого мира? Она ж даже сотовым пользоваться не умеет, она рехнется! – честно высказалась Яна в лицо богине.

– За себя ты не боишься?

– Боюсь. Но я умею разговаривать на универсальном языке – языке силы. – Яна пожала плечами.

– Думаю, это не окажется лишним.

– Эм-м-м... ваша божественность?

– Называй меня просто – Хелла. Так и быть.

– Спасибо. Скажите, а... я правильно понимаю, ее сейчас убивали? Вместе с семьей?

Яна невежливо ткнула пальцем в Анну.

– Да.

– А... я точно смогу что-нибудь сделать? Или меня штыками добьют? Я не икс-вумен, не россомаха и когтей у меня нет. Побуду там минуту, да и обратно, к вам, люлей получать.

Хелла усмехнулась.

– Я знаю твое прошлое, девочка. Рука у тебя не дрогнет... а чтобы вовсе уж верно было – я дам тебе свое благословение.

– А...

– Оно для тех, кто будет убивать. Действует короткое время, но пока работает – твоя рука не будет знать промаха.

Яна кивнула.

– Спасибо. Это не лишнее будет. А Анне?

– Ей не нужно. Там ты уже постаралась.

– Все равно. Спасибо вам.

Богиня хмыкнула, но сказала о другом:

– Последнее, что я вам могу дать, – воспоминания друг друга.

– Спасибо, – от души высказалась Яна.

– Благодарю вас за милость, – вторила ей Анна.

– Еще вопросы ко мне есть?

Яна мотнула головой.

Анна не удержалась.

– Мы сейчас вернемся в мир. Я – в ее, она – в мой. Я должна спасти и устроить в жизни ее ребенка, Яна устроит моего. Ровно через год мы опять окажемся здесь. За этот год мы должны принести вам четыре жертвы. Убить людей. А... все равно когда?

– Совершенно. Можно всех четырех за один раз, – кивнула Хель.

– За это вы нам даруете магию. Мы сможем убить любого человека, просто приказав ему...

– Смотришь на человека и говоришь: именем Хеллы я забираю твою жизнь. И он умрет.

Девушки выдохнули.

Все же...

Чтобы так высказаться, надо озвереть. А то...

Вот представьте, наступил вам человек на ногу – и пожелали вы ему сдохнуть. У того и сердце разорвалось. Неправильно это как-то.

А если почти ритуал...

Это надежнее.

– Спасибо вам.

Яна вздохнула.

Не то чтобы ей нравился такой расклад, но...

– Нас точно нельзя каждую вернуть в свой мир?

– Вы мертвы для того мира. А еще... поглядите друг на друга.

Богиня плавно повела рукой. И перед девушками из пола выросло зеркало. Большое...

Яна глядела на девушек в зеркале.

Анна глядела на отражения...

Отражения были похожи как две капли воды. Правда, по-разному одеты, подстрижены и выражения лиц у них разные, поэтому и сходство в глаза не бросалось. Но в остальном...

Копии.

Те же каштановые волосы, те же карие глаза, те же улыбки.

– А это ваши сыновья.

Смена картинки.

– Гошка... – Яна всхлипнула, протянула руку к изображению, но дотронуться не посмела.

– Жоржи... – Анна всхлипнула почти одновременно с ней.

И мальчишки были похожи как копии.

Те же светлые вихры, те же карие глазенки, те же улыбки, даже зубы передние одинаковые – со щербинкой...

– Не важно, в каком мире это мой ребенок! – высказалась немного сумбурно Яна. И вдруг порывисто повернулась к Анне. – Ты мне Гошку сбереги. А я твоего откуда угодно вытащу!

– Он сейчас в Звенигороде... Обещаю!

– Положите руки друг другу на плечи, – громыхнул голос богини.

И отказаться не получилось.

Карие глаза встретились с карими, и между девушками протянулось... нечто.

Нити?

Воспоминания?

Яна застонала, чувствуя, как информация почти физически ошутимо переливается в ее разум... Больно.

Ничего.

Ради Гошки?

Вытерпит!

– У вас год! – громыхнул тот же голос.

И Яна почувствовала, что летит куда-то во мрак.

Глава 2

По лесу, по пустыне, в ранний и поздний час

Анна. Россия

Было больно.

Болела голова, болела спина, болело... Да все болело, откровенно-то говоря.

Анна всхлипнула и открыла глаза.

Память возвращалась медленно.

Неужели это – было?

Она...

Отец, маменька, сестры – и расстрел. Жестокий и беспощадный.

И последняя вспышка света – черная звезда.

И...

Анна поежилась. Неужели ЭТО – было?

Хелла.

Вообще, в Русине официальной религией считалась вера в Единого Спасителя, который снизошел на Землю и бродил по ней сорок дней и ночей, помогая людям и обучая их. А потом вознесся на небо...

А Хелла...

Сейчас это – демон ада. Но образование у Анны было хорошее, и она помнила.

Некогда небо населяли воинственные боги. Могучий Одадь, который разъезжает на огнегривом коне и поражает молниями нечисть, его ближайший помощник – бог войны, Рор, бог океанов и морей – Аверт... И Хелла – среди прочих. Богиня смерти.

Это было давно, когда люди еще не знали истинной веры. Потом старые боги забылись...

Оказывается, не до конца.

И у нее в роду были жрецы Хеллы. Жрицы.

Страшно-то как!

Мамочки!

Рука сама метнулась сотворить символ Спасителя – лестницу, по которой он поднялся на небо. А в этом мире Спасителя нет. И символ другой... И рука повисла плетью на полдороге.

А можно ли?..

Анна кое-как поднялась.

Голова разламывалась и от своих воспоминаний, и от воспоминаний Яны, но сидеть здесь и пытаться все освоить? Ночью, на улице... Нет, это не выход.

Анна закусила губу. Память Яны была при ней, она подсказывала, куда идти домой, надо только дойти...

В подворотне раздался тихий стон.

Анна ахнула, огляделась вокруг...

Они пока еще были здесь. Те, кто напал на Яну. Те, из-за кого девушки поменялись местами. Здесь – и еще живые. Доживающие последние минуты своих жизней.

Анна ахнула, прижала ладонь к губам...

Рядом валялся нож.

Нож, на котором еще не высохла Янина кровь – ее кровь...

А ее ведь убили – здесь.

И шило, которым Яна пыталась защититься. У них же самооборону – нельзя, ножи – ай-ай-ай. А вот шило... несла в кармане, бывает. Случайно ткнула, не хотела плохого!

Рука сама прибрала его в карман, хозяйственно, привычно...

Оба мужчины были еще живы, и первый, и второй: шило оказалось коротковато, не достало до сердца. Но убить Яна пыталась всерьез.

А она... она – может?

Если бы Анна могла, она бы ринулась прочь. И, конечно, ничего бы не сделала. Только вот сил хватало пока только стоять. Анне казалось, что при первом же шаге она попросту упадет навзничь. Стоит только двинуться – и все.

Оставалось смотреть.

И...

Она может – убить?

Или нет?

Она...

Анна понимала, что у нее просто не хватит решимости. Вот так, беспомощных, безоружных... Яна бы смогла...

А еще – она должна Хелле...

Последнее было главным доводом.

Боги жестоки и коварны, и плодить долги богам – это нарываться на неприятности. А уж быть должной богине Смерти!

Анна даже охоту ненавидела лютой ненавистью. Убивать животных ради развлечения – гадко, гадко!!! А здесь – люди...

Но она слово дала...

Четыре жертвы...

Жоржи... Георгий, как и отец. Растрепанные волосики, круглые глазенки, вцепившиеся в платье маленькие пальчики...

Ее сын.

Здесь ли, там ли... Разве есть разница? Хелла не лжет.

Ради сына... она сможет?

Анна медленно опустилась на колени. Подобрала нож. И почти на четвереньках подползла к своим несостоявшимся убийцам.

Все княжны помогали в госпитале. Анна привычно провела рукой, нащупывая биение пульса... Есть.

Живой.

И... убить?

Ради сына.

Она должна остаться здесь на год, она должна сделать все, что угодно Хелле, ее вернули в мир...

Она справится.

Надо ударить точно в сердце. Вот сюда...

Сердце Анна тоже нащупала вполне профессионально.

Нож словно сам потянул ее руку вниз.

– Тебе, Хелла!

Тело под ее руками выгнулось, обмякло... раздался какой-то отвратительный булькающий звук – и Анна зажала уши.

Не слушать, нет...

И вытащить нож из раны.

Второй негодяй – еще жив?

Он был жив. И даже приходил в себя, стонал, пытался шевелиться, но получалось плохо...

Волной накатил ужас. Анна понимала, что здесь и сейчас она полностью беспомощна. Она не сможет защитить себя. А это здоровый мужчина, то ли пьяный, то ли в наркотическом дурмане...

Она ударила в услужливо подставленную спину.

Раз, и второй, и третий...

– Тебе, Хелла. Тебе...

Бессвязный шепот, срывающийся с губ.

И... неожиданный прилив силы. Словно она только что выпила бокал вина.

Сил хватило подняться.

А потом?

Вот оно – благословение Хеллы?

Анна действовала так, словно кто-то другой ее рукой водил. Она хладнокровно обыскала обоих мужчин, собрала все имущество в свою сумку, внимательно осмотрела закоулочек с помощью фонарика в телефоне... м-да. Натоптала.

Но тут ничего не поделаешь.

Все проверить, все собрать, взять и нож и шило, завернуть в полиэтиленовый пакет, который Яна хозяйственно носила в кармане, и только потом отправиться домой.

Улики?

Какие-то идеи?

Мысли?

Только одна, как и у всякого испуганного, загнанного животного. Спрятаться, уползти, залечь в нору... Здесь и сейчас княжна Анна не сильно отличалась от загнанной лисы. Убежать и спрятаться. Спрятаться – и отлежаться.

Зачем она унесла с собой нож и шило?

Да она и в страшном сне на этот вопрос не ответила бы. Не осознавала еще. Действовала так, как подсказала память Яны. Интуиция Яны. Ее наука...

Вот и знакомый забор. И калитка.

Руки Яны все помнят, тело само нажимает кнопки кодового замка, само распахивает калитку ровно настолько, чтобы та не скрипнула, быстро и тихо проходит по двору...

Шаг, второй, третий...

Кажется, кто-то собирается выйти во двор, но уже поздно. Анна открывает дверь своего дома – и проскакивает туда.

И оседает на пол.

Сил хватило кое-как задвинуть засов изнутри – и доползти до убогой кровати. Упасть, не раздеваясь, и прижать к себе нож.

Все завтра, обо всем она подумает завтра, завтра... Сегодня и сейчас ее силы исчерпаны. Ей надо хоть немного поспать, все остальное потом.

Кошмары?

В том ужасе, в который превратилась ее жизнь, кошмарные сны попросту не котируются. Анна провалилась в сон, даже не сняв ботинки. И не поняла, что успела в последнюю минуту.

На улице разразилась гроза. Да такая...

Форменный водопад.

Дождь ливанул в единый момент, промочив все и всех насквозь, смыв все следы и начисто уничтожив улики. Трупы, конечно, остались, но...

И лил он до утра.

А Анна спала – и во сне видела Яну. Видела отданную ей память...

* * *

Яна?

Нет.

Ее тетка. Анна.

Только вот родное имя никогда не нравилось Яне. Мать назвала ее в честь бабушки – своей матери, но Яна ее и в глаза не видела. Да и мать...

История семьи начиналась для Яны с того момента, как девушка из достаточно богатой семьи решила развестись с компанией таких же сопляков. Съездить отдохнуть в заповедник.

Ага, прогулялась, называется.

В лесу главный – лесничий. Вот он, Петр Валентинович Воронов, и царил безраздельно в заповеднике.

Он был не в восторге от компании мажоров, но кто платит – тот и заказывает музыку. А их бабы... Манерные дуры и стервы.

Диагноз Воронов поставил совершенно правильно. Но...

Судьба бывает большой шутницей.

Ровно на третий день мать Яны поссорилась с парнем. Тому, видите ли, захотелось секса в коллективе, а девушка искренне считала, что раз уж она снизошла до убогого, то о групповухе не может быть и речи. Пусть любит ее и восхищается.

Слово за слово, бутылкой по столу...

Дело кончилось дракой, половину компании увезли в травмпункт, а Ангелина осталась в лесничестве. И как-то незаметно оказалась в постели лесника.

Хороша была – невероятно.

Яна мать помнила... и та до странности была похожа на ее императорское величество. Разве что волосы не прямые и серебристые, а золотые и кудрявые. А вот черты лица, фигура... Есть от чего сходить с ума мужчинам.

Конечно, это приключение ничем не кончилось бы. Мало ли кто и у кого в постели оказывается?

Если бы Ангелина не забеременела.

Если бы у нее не оказался отрицательный резус. А при отрицательном резусе аборт может потом и бесплодием обернуться. Случается. Если у женщины минус, если у мужчины плюс...

Если бы ее родители не уезжали за границу, в Израиль на постоянное место жительства, наплевав на дочку-свистушку.

И если бы Петр не оказался честным человеком, который предложил девчонке руку и фамилию.

Сердце?

Сердце он отдал маленькой Яне. Сразу – и навсегда.

Малышка росла папиной дочкой.

Сначала у мамы не было молока и папа выкармливал Яну козьим молоком, ради этого заведя козу и научившись ее доить.

Потом, когда малышка чуточку подросла и начала болеть, – выкармливал ее ягодами, выпаивал опять же молочком, растирал барсучьим жиром... Постепенно малышка превратилась в здорового и жизнерадостного ребенка, который носился хвостиком за папой.

Мама их бросила, когда Яне было пять лет.

Лесничество по-прежнему посещали охотники. И одному из них приглянулась жена лесника.

Что сказать?

Поохотился.

Добыл, порадовался, увез...

А уж как порадовался лесник, который понял за эти годы, что дельфин с русалкой вот ни разу не пара. Да он счастлив был!

Подписал все бумаги на развод и в качестве отступных получил квартиру для Яны. Не абы где, в областном центре. Хотел отказаться, но Ангелина уговорила.

Для дочери ведь!

Мало ли – захочет учиться, приедет... Опять же, квартиру можно сдавать, деньги класть на счет... поди, плохо? Считай – с нее единовременные алименты. Раз уж девчонка с ним остается.

Петр внял и согласился.

Так он и делал все время. Сдавал квартиру, копил деньги для дочери.

Взять дочь с собой? Ангелина не могла и не хотела этого. Да и Яна не хотела. Стопроцентно папина дочка.

Папа научил ее ходить по лесу, скрадывать зверя, ставить и разряжать силки и капканы, стрелять и бороться, свежевать зверя и готовить еду на костре...

В четырнадцать лет Яна убила своего первого кабана, а это звери хитрые и умные, не абы что и кто.

Отряд спецназа с удовольствием принял бы Яну Воронову в свои ряды.

Учиться в школе? Заочно. Экстерном. По заданиям, по книгам, которые Петр привозил на заимку в огромных количествах, потом по интернету, когда он наконец появился в лесничестве...

Яна росла не дурочкой, но лесной девочкой.

Пройти по болоту? Пожалуйста!

Разобраться в сортах вина? Или сервировать стол? Смеетесь вы, что ли? Какие столы в лесу? Сказать – и то смешно!

Впрочем, в семнадцать лет идилия кончилась. Отец настоял, чтобы Яна ехала и получила образование. Яна подумала – и согласилась. А что? Медиком она быть не хотела, ветеринаром тоже, а вот биологом... чтобы потом работать с отцом, вот здорово-то будет!

Так и решили!

Яна отправилась в областной центр и подала документы на биофак. Прошла, кстати, с первой попытки. Память у нее была – изумительная, сдать смешные экзамены в тестовой форме – да хоть шесть раз! Это же не энциклопедические знания, это простой список тем. Выучил – и гони на конях...

Квартира была, деньги на первое время были – и началась студенческая жизнь.

Казалось, все будет хорошо и спокойно. А потом грянула первая любовь.

Он!

Красивый, умный, модный, одетый от-кутю, богатый, единственный сын у своей матери...

Сережа Цветаев.

Что он нашел в Яне?

Скорее всего, экзотику. Девушка, которая может и убить и освежевать кабана, – редкость в институте.

Что в нем нашла Яна?

Так она же раньше никогда с такими не сталкивалась! Красивые слова, как в романах, цветы, подарки...

Любовь!

Секс, конечно.

И – беременность.

Прекрасный принц обернулся склизкой жабой ровно в тот момент, когда предложил Яне пойти на аборт. Яна послала принца – и уехала к отцу.

Что там было дальше – она не знала, она просто перевелась на заочный. А что такого? Если можно? В деканате ей пошли навстречу и стали высылать контрольные работы.

Яна поблагодарила и стала отсылать их обратно. А заодно прикладывала к работам дары природы. К примеру, копченую лосятину. Или кабаньих окорок – если правильно приготовить, пальчики оближешь и язык проглотишь!

Так и училась, и неплохо училась.

Любовь?

Какая любовь?!

Гошка же!!!

Сын стал Яниной любовью с первого мгновения. Стоило только взять малыша на руки...

Яна сама кормила его, сама вставала по ночам, сама купала, пеленала... Ладно! Не пеленала! И малыш лягался и пинался в полную силу.

Дед тоже был счастлив. Георгий Петрович Воронов – плохо, что ли? Наследник, продолжатель династии...

Так что тут беды не было. А вот когда Гошке исполнилось четыре года...

Малыш простыл и заболел. Простуда перешла в пневмонию. Вроде бы вылечили, но Яна повезла его в областной центр – мало ли что? Вот в больнице анализы и взяли. И осложнением пошел порок сердца. Или не успели, или недолечили, или...

Кого тут обвинишь, кроме себя самой?

Состоялся семейный совет, на котором было решено следующее.

Лечение у нас, конечно, бесплатное. Деньги на счете есть, их не так мало, но этого не хватит. Потому – продаем квартиру и добавляем. Тогда уложимся.

Покупаем конуру для собаки – было бы где спать. Яна остается в городе рядом с малышом, носит ему передачи, зарабатывает, потом, когда лечение закончится, забирает его и уезжает в лесничество.

Да, отец остается работать лесником. Кому-то же и кормить всю компанию нужно?

Опять же, выйдет малыш из больницы, Яна его в охапку – и на природу. Ее на молоке да ягодах на ноги подняли – и мальчика поднимем! Никуда не денется!

Так и оказалась Яна в этой хибаре.

А ее малыш лежал в больнице, был прооперирован, прошел курс дорогостоящего лечения, сейчас проходил второй, и врачи считали, что через полгодика его можно будет выписывать.

Если все пойдет хорошо.

Если не случится ничего непредвиденного.

Если...

Замечательное слово, не так ли?

Его отец? Какой, простите, отец? Цветаев? Нет у малыша отца. Точка.

А вот мать...

Яна винила себя в болезни малыша.

Она ведь росла «лесной девочкой». Она практически ничего не знала о женском организме. То есть, чем занимаются мужчины и женщины, она знала, и про беременность, и про роды – попробуй не узнай, в лесу-то! Но к себе это не применяла.

Отец ей объяснил про критические дни, краснея и заикаясь (нелегкое это было для него дело), Яна прочла про все остальное – и успокоилась. А студенческая жизнь крутила и вертела.

И водочка в ней была, и даже травка... Когда Яна узнала, что беременна, – она сразу это прекратила. Но узнала она об этом только на третьем месяце!

Токсикоз?

Да она слова-то такого не ведала!

И... критические дни один раз пришли. Такое тоже случается. Не сразу отключились, а со второго месяца, Яна и не поняла ничего. Как тут сообразишь? Яна искренне считала, что, веди она более здоровый образ жизни, Гошка был бы сейчас здоров. И судя по словам Хеллы... Похоже, это действительно так.

Сейчас Яна делала для сына все возможное. Но лечиться ему еще долго.

А Анна...

Вот ведь проблема!

Жить-то Анне как?

Лишних денег у Яны не было вообще. Малыша хочется чем-то побаловать, подарок подарить, игрушку какую... а зарабатывать как?

В родном мире Анна ничего делать толком не умела.

Да, работала в госпитале. Но – как работала? Судна из-под раненых не таскала, полы не мыла, даже из операционной ее выгнали – дурно стало. Да и...

Анна сверилась с воспоминаниями.

В этом мире просто так работать в госпитале не пустят, нужен диплом. Как и в Русине, кстати говоря. Так что госпиталь отпадает. И платят там мало, едва ли на жизнь хватит, но уж точно не на сына.

Что она еще умеет?

У нее хорошие манеры. Она прекрасно танцует, поет, вышивает, разбирается в драгоценностях, умеет поддержать беседу...

По здравом размышлении Анна подвела печальный итог.

Ее готовили быть женой и матерью. А зарабатывать деньги ее попросту не готовили. Вообще. Никак. Банки, инвестиции... Ее потолок – благотворительный бал или вечер. Вот тут она в своей стихии. Она может идеально все организовать.

А вот вложить деньги, или как тут... кредит, заем... Нет, она с этим не сможет справиться.

Яна сейчас работала смотрителем полигона для страйкбола.

Следила за полигоном, выдавала оборудование, убиралась после игр в войнушку – да много чего надо было делать! Только вот получится ли у Анны?

С воспоминаниями Яны – получится. Криво ли, косо... вот именно, что криво и косо! Да и не заработаешь на этом достаточно, надо искать другую работу. Только какую?

Торговать? И навык нужен, и умение, и сноровка – Анна не обольщалась. Не умеет она это.

Но научится!

Понадобится – она всему научится! Ради своего сына...

Там, далеко, Яна позаботится о Жоржи. А она...

Анна вдохнула, потом выдохнула.

Ее сын – здесь.

Точка.

Ее ребенок, ее малыш, ее Георгий – он здесь. Из этого и будем исходить.

Ей надо сделать все для сына. Она справится.

Русина, окрестности г. Зараево

Яна пришла в себя рывком. Словно удар молнии.

– Проверь всех! Добей, если кто не сдох!

– А то! Ишь ты, кровопивец! Ты посмотри, сколько на нем всякого добра? Небось, в три слоя... нахапал у народа!

– А ты на баб глянь! Понятно, почему эту... штыком пришлось! На ней же как нагрудник из золота! И блестячки тут...

– Снимай и складывай в общую кучу. Потом опишем.

Голос был холодный и донельзя противный.

Яна рискнула приподнять ресницы.

Ага.

Она лежит головой к окну, голова, кстати, болит зверски, и не добили ее пока еще только потому, что она свалилась за кресло.

Удачно упала.

В комнате четверо.

Сколько в доме? Черт его знает... Одежда вся в крови? Не важно! Важно другое... револьвер!

У того, кто говорил, мужика в распахнутой кожанке, за поясом револьвер! И стоит-то как удачно, почти что в двух шагах, жаль, она пока дотянуться не может... Ничего, сможет!

Боже мой, почти револьвер Нагана!

Яна едва не расплакалась от умиления... ах ты моя прелесть! Попади ей в руки эта игрушка – она всех в расход выведет.

Спасибо, Хель!

А винтовки? Чем-то похожи на «мосинки», но немного другие. Форма? Отделка?

Дура, нашла время!

Главное, здесь есть огнестрельное оружие!

– Тут еще одна, за кресло завалилась. Щас проверю...

Кресло отодвинули в сторону, и к Яне начал наклоняться молодой (может, даже моложе, чем она) паренек. Совсем юный, еще молоко на губах не обсохло, лет двадцать сопляку. А на расстрелы уже берут.

На расстрел императора.

Проверенный, значит... Такого и убить не жалко.

Тело действовало как привыкло.

Дурашка, ну кто ж так поступает? Ногой бы перевернул... но тут неудобно, она лежит вдоль стены, на спину не перевернешь, если только пнуть... А он наклонился.

Дальше Яна действовала как автомат.

Кинжал в руке приятно придавал уверенности. И разрез на горле у парня тоже придал ей уверенности. Ровный, точный, кровь потоком так и хлынула – и Яна оттолкнула сопляка, перекадилась по полу...

Чертово платье!

Жеванные мухоморы, в жизни больше эти тряпки не надену!!!

Ничего, и так сошло.

Это тело не было тренировано, но танцевать на балах тоже, знаете ли, подготовки требует. И жизнь принцессы вовсе не настолько уж легка и беззаботна, кое-какие спортивные навыки есть...

Яна выжала из тела все, что могла.

Крутанулась по полу, оказавшись вплотную с мужиком в кожанке, и подбила его под ноги.

Такого коварства от принцессы никто не ожидал.

«Кожаный» рухнул, словно дуб обвалился, а револьвер мгновенно оказался в руке у Яны.

– Тебе, Хель!

Выстрелы прозвучали негромко. Да и кто на них обратит внимание? Может, контрольные? Добивают кого? Они ждали, они наверняка на это рассчитывали...

Один труп, второй... «кожаный» неплохо приложился головой, но оставлять за спиной такого врага? Нет, Яна не могла так рисковать.

Третий выстрел, в упор. Вот так, отлично!
Эх, не сообразила она и первого Хель подарить! Дура! Ну ничего, авось не последние покойники...

Тело Яны было наполнено острой злой силой. Она медленно поднялась на ноги.
– Суки!

Пинок достался «кожаному», чтобы стравить адреналин.
Яна огляделась.

Так... в комнате четыре тела подонков (те, кто пытался ее убить, – по определению подонки) и своих... Петер, его супруга, четверо дочерей. Шестеро своих.
Где остальные негодяи?
Хотя и так понятно. Контролируют окрестности и уничтожают прислугу. Не сами ж императоры за собой ухаживали.

От окна раздался слабый стон.
Яна выругала себя debilкой – и бросилась туда.
Кто-то жив?
Отец...
То есть – Петер Седьмой.

Все верно, и император, и его супруга, и принцессы – все таскали на себе «золотой запас». Этские жилеты с подшитыми в них драгоценностями. Только вот не всем повезло.

Императрице пуля пробила горло – тут не поможешь. А отец...
Яна опустилась на колени, бросила взгляд на рану...
Тоже не жилец. Чудом еще дышит...
– Ан... на...
– Я жива. Сейчас разберусь с подонками.
– Ос...
– Остальные? Прости, пап. Не успела, – Яна говорила как привыкла, но император не удивлялся. Сейчас, наверное, его бы и Господь Бог не удивил, разве что воскресить изволил бы.
– Моя воля, – император говорил почти шепотом, невнятно. – Кольцо... наследуй...
Кольцо на нем было только одно.
Здоровущий перстень – черный камень в звериных лапах. Что за камень?
А кто ж его знает?
Яна коснулась его руки.
– Клянусь. Они не уйдут безнаказанными.

Глаза Петера закрылись, словно ему безумно тяжело было держать веки открытыми. Потом медленно открылись – и поглядели на Яну.
И столько любви в них было.
Столько боли...

Нельзя сказать, что Петер Седьмой был плохим государем. Скорее – никаким. Ни плохим, ни хорошим, ни... Просто – никаким.

Но отцом он точно был хорошим.
Секунда – и из глаз ушло это выражение. И что-то еще... Душа.
Яна прикусила губу.
Всего одна секунда. Всего. Одна. Секунда.
И все же этот человек стал ей не чужим. Спи, Петер, я за тебя отплачу. С лихвой отплачу.
Яна прошла по комнате, быстро проверяя пульс у «сестер».
Три – мертвы. Четвертая...
Повезло самой младшей. Нини. Она же – Зинаида.
Яна пригляделась к ране. М-да... Повезло? Пуля на что-то наткнулась, отклонилась и все равно ранила мелкую, но не смертельно. Рикошет.

Крови много, а помереть – вряд ли... Болевой шок, похоже. Если пуля в плече... лишь бы в кости не застряла.

Ладно, потом разберемся. А пока...

Яна ухмыльнулась. Наклонилась к Аделине Шеллес-Альденской, нынче – мертвой императрице, и зачерпнула уже холодеющей крови.

– Уж простите. Надеюсь, вы меня поймете правильно... а эти придурки примут за восставшего мертвеца.

И Яна щедрой рукой ляпнула кровь на платье, потом на лицо...

Макияж в стиле «вамп». Стильно, дешево, быстро.

Проверила револьвер, перезарядила, без малейших угрызений совести вытащив патроны у «кожаного», сунула остаток патронов к себе в карман – и приоткрыла дверь комнаты.

Пока – щелочку.

Никого?

Тогда мы идем к вам!

* * *

Яна еще не знала, что в эту секунду глухо и протяжно зазвенел Царь-колокол.

Император умер – один звон.

Он плыл над столицей, густой, малиновый, протяжный и тоскливый. И выходили из домов люди, и жом Тигр ухмыльнулся, глядя в окно, а жом Пламенный прервал свою речь...

Колокол протяжно прозвенел – и стих.

Император умер.

Но прежде, чем кто-то успел сказать хоть слово...

Второй звон. Третий. Четвертый...

Да здравствует... император?!

Один удар колокола – на смерть. Три – наследник вступил в свои права.

Но – кто?!

Как?!

Корона и все регалии – здесь, ЗДЕСЬ!!! В столице, в Звенигороде, под присмотром... И короновать наследника никто не мог. Их вообще должны были убить всех!!!

КАК?!

Ответа не было. А слухи – слухи, считай, уже пошли.

Император умер.

Да здравствует император!

* * *

Кого бы ни ждали убийцы...

Яна делала ставку на страх.

Все же не хрен собачий – императора убивать пришли. А значит, ждут всего самого неприятного.

Чего? А не важно, чего!

Это же император!

Он по условиям задачи настолько же далек от народа, насколько народ – от тараканов. Ладно, ладно, пример не совсем качественный, все же живут они рядом... но таракану до человека не дотянуться. Это уж точно.

Да и церковь тут какая-то есть, тоже свою функцию выполняет на совесть, учит людей прогибаться во всех интимных позах.

А теперь представьте.

Вот пошли ваши товарищи убивать царя. А тут спускается привидение, морда в крови, руки в крови, стонет, зубы скалит, к вам руки тянет...

Хоть на секунду рука дрогнет?

Однозначно.

А Яне больше и не надо было.

Трепет?

Угрызения совести?

Да вы, господа, смеяться изволите! Она в лесничестве росла, а там водятся такие животные – браконьеры называются. Твари опаснее волчьей стаи. Промохаешь ушами – и над тобой лопухи зацветут.

Яне и стрелять доводилось, и на мушке подонков держать, и кровь видела. До этого дня, правда, не убивала, ну так что же?

С почином, значитца.

А все остальное в пользу мертвых.

Первой жертвой Яны стал мужчина лет сорока, который стоял в конце коридора. При виде девушки он дернулся, едва папиросу не проглотил... Нет, не папироса. «Козья ножка», самокрутка. И, кажется, не с табаком. Яна всю наркоту не знала, но анаша похоже припахивала.

Замечательно! Наширялись – и на подвиги!

Револьвер послушно выплюнул пулю, помогая негодяю открыть «третий глаз».

Глаз открылся.

Яна даже головы не повернула, прошла мимо. Беспечность, конечно, но после пули в голову и так не живут.

Дом был не слишком большим, двухэтажным. Первый этаж – большая гостиная, столовая, библиотека, подсобные помещения: людская, кухня, кладовки...

Второй этаж – восемь комнат. Спальни, спальни... хватило на всех. И на императорскую семью, и на личного доктора его императорского величества, который так и не покинул своего монарха, и на верную мамину подругу, и на нескольких слуг... Слуги, правда, жили на чердаке...

Да, чердак и подвал.

Слуг согнали на первом этаже. Императорскую семью – на втором.

Яна помнила устройство этого дома, хотя отродясь в таких домах не бывала. Память Анны. Ее разум, ее знания.

Дверь в библиотеку была открыта. И шум оттуда слышался – туда Яна и пошла.

– ...Все?

– Да уж точно, небось слышал стрелялки?

– Ага. Страшно-то как, дядька! И девки там молодые, зря их...

– Девки! Императорские дочки то, а не девки!

– Ну так можно б их сначала повалить, а потом стрельнуть!

– Ты молчи, дурак! Дойдет до Тигреньша – кровью умоешься!

Яна так поняла, что Тигреньшем прозвали «кожаного». А что, похож чем-то. Глаза такие, медовые, волосы черные, кожа смуглая... Кавказец?

Здесь это называется «горец». И горы – не Кавказ, а Ферей. Ферейские горы, и здесь не кавказцы, а ферей.

Впрочем, мысли никак не мешали Яне. Шаг вперед, еще один – и упасть на колени в дверном проеме.

Риск, конечно. Но если она так не сделает...

Черт, ну не икс-вумен она! А как хорошо было бы! Пришла, всех перебила...

– Тебе, Хелла!

Пистолет не дрожал.
Их было двое. Всего двое. Мало.
Яна выглянула в окно.
Ага, а вот и автомобили. Местные, как принято здесь – больше похожи на кареты с колесами. Один, два... не так много!
Яна обратилась к воспоминаниям Анны.
Была охрана?
Была. Общим числом восемь человек плюс приехавшие.
Считаем.
Четверо наверху, двое внизу, а в каждом автомобиле может поместиться минимум четверо человек. Еще десятерых надо где-то найти.
Яна быстро оглядела комнату.
Бедный доктор Шеин. Бедная Санна. И слуги... дядька Архип, Венна, Тайра...
– Сенька, я тут...
Что он тут – договорить мужчина не успел. Яна стреляла без предупреждения.
– Тебе, Хелла.
И еще один труп валится на пол.
А где могут быть остальные brave рыцари Освобождения?
Дура.
Наверх пошли самые проверенные. Это понятно. Чуть менее доверенные остались со слугами. Несколько человек – хотя бы двое должны остаться в машинах. А есть еще конюшня, есть еще территория...
Это что – ей тут перестрелки устраивать? У Яны аж волосы на голове зашевелились от ужаса. Она не потянет! Она просто не справится, а умирать-то и нельзя. Никак нельзя...
Ладно.
Вряд ли кто пошел на территорию. Конюшня? Да, безусловно. И есть же еще храм...
Для начала надо обойти дом. А там разберемся, что делать дальше.
Яна злобно ухмыльнулась и принялась перезаряжать оружие. Интересно, не найдется ли у покойничков патронов для ее револьвера? Еще одного?
Если будет – она готова их даже простить... немножко. И лично помолится за усопших.
Можно даже два раза.
А если нет?
Хелла, приятного аппетита.
Показалось Яне – или она услышала рядом знакомый ледяной смешок?
Не важно!
Ага, а вот и еще один револьвер, правда, другой модификации, Яна с такими раньше не встречалась. Небольшой, явно для скрытого ношения...
Ладно.
С нее две молитвы.

* * *

В доме оказалось еще четверо негодяев. Два в кабинете, один на кухне, еще один в ватерклозете. А что – герои не люди, что ли? Живот прихватило у подонка от сильных чувств!
Проблем у Яны не возникло ни разу. Она просто шла и стреляла.
Невероятно?
Вот что значит – инерция мышления! Даже убийцы от нее не застрахованы!
Император паршивый! Сам сдох, как баран на скотобойне, свою семью за собой утащил... и ведь все это восприняли как должное!

Этакое...

Благородная дама должна быть гибридом между трепетной нимфой и ледяной статуей, вот императорских дочек так и воспринимали. Скользили по дому этакие тени, которые даже по морде в ответ на наглость дать не могли.

Яна вспомнила, какими взглядами провожали девчонок охранники, – и взбеленилась. Ненадолго, правда.

Она еще в лесничестве одного такого едва в болоте не утопила – природу пожалела. Еще змеи передохнут, лягушки потравятся, да и пиявок жалко.

А тут...

Ты – мужик!

Отец, наконец!

Да Янин отец, когда ему на Яну тот козел жаловаться начал, только и сказал: «Дочка добрая. У меня б не вышел ты из леса». Доходчиво получилось настолько, что ублюдок еще до конца дня уехал, половину барахла забыл, пришлось почтой отправлять. А тут что?!

Мало того, семью на убой притащил, так еще и рот открыть боялся?!

Ничтожество!

Яна быстро пересчитала убитых.

М-да, с Хеллой она уже расплатилась. Четверо есть, даже с перевыполнением плана. Всего десять человек, отлично.

А сколько надо?

Если б она знала, сколько приехали на авто! Но память Анны молчала...

Попробовать сравнить убитых с воспоминаниями?

Нет, бессмысленно. Анне так по мозгам шарахнуло, что картинки как сквозь кривое стекло видны. Ладно.

Надо бы наведаться к машинам и в часовню. А как? Идти по пересеченной местности? На виду у всех?

Хотя зачем же такие проблемы? Есть черный ход.

Вот туда Яна и отправилась.

О, замечательно!

У черного хода стоял еще один человек с оружием. Стоял, поглядывал по сторонам, остро так, серьезно...

Яна поступила, как рассказывали. Взяла в углу швабру, толкнула дверь, а сама отступила в темноту. В угол...

Мужчина поступил так, как она и предполагала. Повернулся, потом оглядел окрестности, толкнул дверь...

Ага, и прекрасно был виден черный силуэт на фоне светлого прямоугольника. Яна всадила в него две пули, как в тире – в живот и в голову.

Даже не задумалась.

Седьмой, девять осталось. Примерно.

Теперь в часовню.

* * *

Конечно, идти по прямой Яна не могла. Да и не собиралась. Она тут что – в мишени нанималась? До часовни было метров двадцать, не так много, но ведь пройти расстояние надо.

Яна плюнула – и принялась избавляться от юбок.

От лифа не надо – под ним жилет с драгоценностями. В изгнание император и его семья тащили на себе несколько килограммов ценных побрякушек. Чтобы уж точно не жить бедными родственниками.

Панталоны? Да по меркам двадцать первого века – это полноценные шорты-бермуды! Сойдет! Только вот... разрез, конечно. Да на самом интересном месте... ноги выше головы лучше не задирать.

Память услужливо подсказала Яне, как они приехали в этот дом. Их специально решили поселить на отшибе, чтобы народ не расправился с семьей бывшего императора...

М-да.

Когда они вышли на вокзале, их встретила толпа. И не с цветами – в императора полетели гнилые овощи и тухлые яйца. И люди кричали, грозились их убить, говорили о своей ненависти...

На Анну это произвело тягостное впечатление.

Яна даже плечами не пожала. Такие митинги она и сама могла организовать. «Флешмоб» называется. День дайте – и соберем толпу, которая будет кричать хоть «долой царя», хоть «свободу попугаям». Не знаете вы, что такое пиар-технологии!

Дом был удобен тем, что стоял на отшибе. Чей он был? Кто построил и дом, и часовенку?

Яна не знала. Не знала и Анна.

Повезло – рядом, в пределах видимости, жилья не было. Из города сюда надо было ехать где-то полчаса.

Вокруг дома – здоровущий сад. Яблоки, между прочим, хоть ты собирай да суши, а то компоты, варенья... да и на зиму сложить...

Яблоки Яна любила. Особенно «Жигулевские». Ты ж моя прелесть! Ладно, потом поедим. Рот аж слюной наполнился при мысли о сочном зеленом яблочке. Но это – потерпит.

Итак, надо добраться до часовни.

Пешком – никак. А вот ползком, чтобы не увидели...

Яна сможет проползти. Тут как раз еще изгородь зеленая, живая, удобная, пока не облетевшая...

Она улеглась на живот и поползла, матерясь на с-собачьи ветки и сучки. Ничего, тут недолго. Зато со стороны ничего не видно.

Так она и думала. Стоит у двери часовни мужик и...

ГАДЫ!!!

Нагло хрупают яблоком!

Дожевал, отшвырнул огрызок, едва не попав по голове ее высочеству, кстате говоря, и скрылся внутри.

– Вы тут закончили, ...?!

Ага.

Сколько Яна помнила, церкви страдали вот не особо за веру. А за церковную утварь. Это еще Генрих Тюдор обнаружил, что из крестов и чаш прекрасно получается золотая и серебряная монета. Ну а здесь – продолжили.

Кому-то крест – предмет культа, а кому-то и полкило драгоценного металла, за который колбаску купить можно. Второе Яне было ближе. Крест, если что, можно и из двух веточек связать – Господу оно без разницы. Он – услышит.

Яна протянула руку, нашарила яблоко – и бросила в часовню. Ну и попала, конечно. Прямоком в дверь.

Долго ждать не пришлось, вскоре мужчина выглянул наружу.

Тишина.

Скрылся.

Следующее яблоко опять полетело по назначению. И еще одно...

Четверо в церкви.

Священника там, кстате, не было. То ли сбежал по-умному, то ли помер по-глупому. Яна это и узнавать не собиралась.

Опа!

Удача!

Двое мужчин вышли с ящиком в руках, явно тяжелым. Интересно, что там такое? Хотя нет.

Неинтересно.

Интересно убить их так, чтобы не увидели. А то...

Не с ее талантами и оружием перестрелку устраивать. Ей бы калашников да от пуза вее-ром полоснуть – тогда бы по-другому поговорили. А с парой пистолетов много не навоеешь. Ладно, револьверов.

А как тогда?

Яна решила, что двоих в церкви пока можно оставить, – и медленно, прижимаясь к земле, поползла за теми, кто тащил ящик.

Есть!!!

Когда они подошли к машинам, из жутких повозок вышли еще двое – и начали помогать загружать добро. Как – помогать? Сначала открыли ящик и посмотрели...

Яна прикусила губу.

Четверо. Она одна. Сможет? А что, есть выбор?

Сначала надо валить того, который ближе всех к машине, потом того, кто рядом с ним... Должна справиться.

Револьвер удобно лег в руку – и Яна тщательно прицелилась.

Выстрел. Не в голову, чтобы точно не промазать – в грудь. Потом контрольные проводить придется. И следующий выстрел.

Двое падают, третий пытается уйти в перекат, но Яна его достала. Четвертый... Всех бы так! Застыл на месте и оглядывается с открытым ртом. Да ты кто такой-то? Кто тебя вообще воевать взял? Пристрелить – секунда. Яна и не колебалась.

– Тебе, Хелла.

Почему-то Хелла произносилось легче, чем Хель. И верилось больше.

И...

Страшновато было даже вспоминать богиню. Это не тот кошмар рогатый, который снимали в кинофильме про богов. Она была реальная. И холод от нее шел... Жуткий...

Еще четверо. Осталось трое? Или сколько? Двое еще в храме...

Яна прикусила губу.

Выбора нет, надо брать «языка». Еще не хватало пулю в спину получить...

А скажет?

На «полевой допрос» времени нет, а жаль. Она бы с удовольствием кое-что опробовала из того, о чем говорили ребята на кордоне. Не одни ж богачи на природе отдыхают! Бывали у отца и спецназовцы... К Яне они отнеслись как к ребенку полка, накормили мандаринами и травили при ней байки. И делали так каждый раз, когда приезжали... Так что наслушалась.

К машине она ползла.

Двое были готовы. Еще одного она лично дострелила, приставив пистолет к голове. Четвертый лежал и стонал.

Яна пригляделась и злобно оскалилась. Ага, пуля в кость попала. И у гада болевой шок.

Пинок по голове отправил мужика в беспометство. Яна выдернула ремень из штанов, спутала ему руки, потом подумала, спутала и ноги... И закатила под машину. Не пришла еще пора спортивных машин, под которые никого не запинаешь.

Остались двое в церкви, потом можно вернуться и провести допрос. Сейчас некогда.

Яна поползла к церкви.

Сегодня ей кто-то ворожил. Может, Хелла?

Стоит у церкви мужчина, курит. И рядом с ним стоит еще ящик... Яна заколебалась, но тут и второй появился. Мужчина, не ящик. И что-то показал на ладони...

Ну как тут устоять?

Три выстрела – два трупа. Подойти поближе – и еще два контрольных. Перезарядить револьвер и проверить церковь.

Никого.

Яна медленно и осторожно поползла опять к машине. Не побежала, не пошла, а поползла, прячась от постороннего взгляда. Вдруг она чего-то да не знает?

К ее возвращению «язык» в себя еще не пришел. И Яна поступила весьма негуманно. Конвенции ее бы осудили, но она по-простому завязала негодю рот курткой – и врезала ногой по ране.

Пришел в себя как миленький. И нашатыря не понадобилось.

Сначала смотрел непонимающе. Потом в глазах появилась злость, ярость даже.

Яна улыбнулась.

– Вот ты что думаешь, я с тобой разговаривать буду? Наивный человек, глупый даже... Зачем мне с тобой разговаривать? Вы мою семью убили, вы меня убить хотели... Видишь кровь? Поэтому я с тобой разговаривать не буду, я тебя резать буду. Медленно...

Яна как могла кровожадно улыбнулась – и одним движением вырезала на штанах мужчины «окно в наследство».

Нижнего белья он не носил. Мылся при рождении, не иначе. И впечатления не производил. Никакого. Сжался даже...

– Хочешь петь фальцетом? Если что – будешь пользоваться большим спросом. А еще есть такая полезная профессия – евнух... Отрезают все под корень. Между прочим, те, кому отрезали вообще все, ценятся больше. Можно только бубенчики отрезать, а можно вообще все хозяйство... Но мы с тобой спешить не будем. Мы будем резать постепенно, сначала одно яйцо, потом второе, а уж потом, медленно, по сантиметру...

Яна подняла кончиком ножа означенный причиндал.

– А хочешь – развлечемся? Берется тоненькая палочка, запихивается в твой организм... догадываешься – куда? Можно спереди, можно сзади, можно сразу и туда и туда, для остроты ощущений, – и поджигает. Так здорово будет, ты не представляешь!

– М-м-м-м-му-му-му-му-у-у!!!

– Неужели ты против? Странно, а когда моих родных убивали, тебе это нравилось! И учти: ты – последний. Больше никого не осталось. Иначе я бы не уделяла тебе времени.

– М-м-м-м-му-му-му-му-у-у!!!

– Ты так хочешь со мной пообщаться? Ладно, я послушаю минуту. Но если услышу то, что мне не понравится... ты меня понимаешь? Вот и веточка подходящая лежит, грязновата, правда, но это уже мелочи. Заразу ты все равно никакую не подцепишь, какая у покойников зараза?

Сломался.

Яна была неотразимо убедительна, да и не делали так в этом времени.

Мужчина запел так, что в хор имени Пятницкого его бы взяли – влет.

Яна слушала, размышляла.

Итак, у нас в столице – Звенигороде – есть некий Комитет Освобождения. И там есть некто жом Тигр. Здесь, в Зараево, семью императора сопровождал его младший брат... или еще какой родственник, у них, у фереев, не поймешь. Но за свою родню они держатся крепко.

Янин собеседник, некто Михай Протасов, – из крестьян. Сбежал из деревни, потому как житья никакого не стало, кругом враги, денег нет, жизни нет...

Яна прослушала цикл жалоб на злого «анператора», который всю землю дворянам отдал, то есть торам, а те за аренду ломают...

Подумала, что надо бы узнать точнее. Может, здесь как в России? Сделали земельную реформу так, что хоть повесься – хоть утопись? Могли...

Хотя ей-то зачем? У нее задача проще. Не порядок наводить в Русине, а забрать сына и уехать. Уехать туда, где тихо и спокойно, поселить его у верных людей – и пусть живет.

Даже без мамы.

Увы – без мамы, так что людей надо подбирать очень верных.

Но в Звенигороде ему не место.

Яна историю знала в основном по романам Пикуля, но отлично понимала, что при революции в городе будет твориться бардак. Полный и окончательный.

Маленьким детям там не место.

Но о сыне она потом подумает, а пока...

Вот сегодня с утра на телеграф сообщение и пришло. Так и так, мол, стреляй их, братка! Всех, гадов, наглухо... Что при них найдешь – вези мне, в Звенигород, да смотри, чтобы никто не ушел!

– Какой милый человек, – хмыкнула Яна. – Ну ладно – отец и мать. А Зинаида? Ей же пятнадцать лет всего!

– А все одно – стрелять!

– За что?

– За то, что анператорская дочка! Такая же кровопивца вырастет!

И отвечал-то уверенно, без сомнений...

Яна прикусила губу. Вот сколько она родную историю помнила – Николай всех достал так, что явись там лично Христос, и то бы стрельнули...

Ну, может, помолились бы, а потом все равно стрельнули. А Петер?

Да кто ж его знает... потом подумаем. Массив информации, полученный от Анны, ломился в голову, стучал в виски, но не время расслабляться! Яна собрала себя в кучку и принялась задавать конкретные вопросы.

А именно: сколько охраны?

Кого ей еще ждать?

Где ближайший город?

Кто в управе поддерживает Комитет, а кто – императора?

Что творится в окрестностях города?

Она отчетливо понимала, что упустит половину всего важного. Да наверняка! Все не предугадаешь и не предусмотреть, и вообще, грамотно заданный вопрос уже содержит в себе половину ответа. Но его ведь надо грамотно задать!

Яна что-то может знать из личного опыта. А Анна? Тепличное нежное растение, которое и на бунт-то решилось один раз... Тоже мне – бунт!

Рывкнула бы на полстраны, что вступает в морганатический брак, и подите вы туда не знаю куда! Или – наоборот. Теперь уже знаю, куда именно, вот туда и подите!

Нет!

Вместо этого ее храбрости хватило только юбки задрать. А потом плакать и родного ребенка чужим людям спихнуть...

Замечательно!

Яна понимала, что несправедлива, что Анна не так и виновата, но... она-то поступила бы иначе!

Она!

Продукт другого мира и другого общества...

Яна снова задавила в себе попытки пофилософствовать и сосредоточилась на итоге.

Итак, что мы имеем?

Рядом, примерно в часе езды на авто, находится город Зараево. Выбран он не просто так, выбран он потому, что одним из первых встал на сторону Комитета Освобождения.

Тех, кто поддерживает императора, в городе просто нет. Если кто и есть, сидят они тихо, а молятся громко. Чтобы пронесло.

По окрестностям? Есть тут... контра!

Рассказывая о врагах трудового народа, Михай едва ядом не плевался.

Есть такой тор Изюмский. Вот он, гад нехороший, когда все началось, пинками выгнал из своего дома представителей Комитета, поднял в ружье личную гвардию и егерей, а поскольку он страстный охотник и места здесь охотничьи, закрыл границы поместья и заявил, что первый, кто придет, – уедет на дрогах.

Ждем войска, одним словом. А то самим идти на пулеметы...

Опа?!

Яна резко заинтересовалась и получила ответ.

Пулеметов как таковых здесь нет. Свой Хайрем Максим нашелся, и пулемет он изобрел, но массового распространения машинка не получила. Потому как очень, очень дорого.

Можно.

Но – дорого.

Мировая война?

Яна порылась в памяти Анны – и выдохнула с облегчением. Мировой войны здесь не случилось. Вот конфликты с соседями – были. Эпидемия, голод, финансовые кризисы – да, были. А Первой мировой не было. Хоть тут обошлось.

А потому творение местного гения пока еще было не настолько распространено. Кстате – не в последнюю очередь благодаря Петеру. Заявил, придурок, что это негуманно и жестоко, войны не должны быть настолько кровавыми.

С одной стороны – придурок. Аргументы на уровне третьего класса сопливой группы детсада. Даже не школы, нет, там дети поумнее будут.

С другой...

Когда войска начали бунтовать и рвать когти к врагу, унося с собой оружие, пулеметов они практически не унесли. Не было их, пулеметов-то!

А вот у тора Изюмского – были. Закупился за границей...

Мало того что сам стрелял, не разбираясь в кого, так еще и соседи – такие же торы – принялись к нему примыкать. Нет бы к Комитету Освобождения, так они к нему, кровопийце...

Всех бы их... к стенке!

На этом запал Михая прошел, и он опасливо покосился на лучинку в руках Яны. Но девушка уже не собиралась его пытать. Что ей нужно было, она узнала. А потом...

Потом – пусть без нее разбираются.

– Ты уж прости. Но – вы меня тоже не конфетами кормить собирались.

Глухо треснул выстрел.

Во лбу Михая появилось небольшое красное отверстие, голова парня откинулась назад.

Яна покрутила револьвер на пальце, подражая ковбоям из вестернов, перезарядила и сунула за пояс.

Ох, папа! Как же я тебе благодарна!

Но долго предаваться благодарности было некогда. Надо двигаться наверх. К Нини.

* * *

Зинаида пока еще не пришла в себя, так что Яна занялась неприятной, но необходимой работой.

Раздевала родных и близких, стаскивала с тел набитые драгоценностями жилеты.

Вот так.

Мародерство?

Ничего подобного, это ее наследство! Ну и Нини – тоже... черт! Идиотское имечко!

Зинаида... А какие уменьшительные можно придумать от Зинаиды? Вот лично Яна не любила этой манеры французить... Когда читала книги классиков, ее просто бесили все эти Натали, Пьер, Андрэ, Элен... Назвали тебя Наташей – так и будь ты Наташей. А эта пошлая смесь французского с нижегородским...

Вот честно, окажись Яна в 1917 году, примкнула бы она к красным... наверное.

Или нет?

Судя по тому, что она читала про императорскую семейку, про Распутина, про великих князей... примкнула бы! Это в последнее время принято грязь золотом засыпать, а в реальности все было очень и очень гадко. Ежели человек в день Цусимского сражения (Цусима, мать-перемать!!!) пишет, что было так скучно, так скучно, ходил, стрелял по воронам в парке...³ Казалось бы – да сдались тебе те вороны, они и ответить-то не могут, даже нагадить...

Ладно, это она опять отвлеклась... М-да, а груз-то приличный выходит. Килограмм двадцать драгоценностей тут точно будет. И как? На себе потащить? Ага, может, еще и табличку на шею повесить? Ишак обыкновенный?

Еще и Зину на себе тащить... Хотя нет. Не Зину. Имелась у Яны некогда знакомая, так у нее сокращенное от Зинаиды было – Инна.

Почему бы – нет? Искать будут Анну и Зинаиду. Но не Яну и Инну. И вообще... Искать – будут?

А если...

Яна задумалась ненадолго, а потом быстро пробежалась по дому.

Ты ж мое чудо!

И керосинчик есть, и запасов горючего материала хватает – полахать будет весело. Императорская семья? Уж простите, но тут как получается. Хотелось бы устроить похороны по всем правилам, священника пригласить, отпеть...

Ага, найдешь его по такой-то жизни! В церкви был, так удрал, теряя тапки, не захотел святым становиться. Это вот слуги, которые всю жизнь были рядом с императорской семьей, с ней и на смерть пошли. А духовник не пошел, ему своя ряса оказалась ближе к телу...

Ну и пусть его. Яна бы тоже сбежала, чего уж там!

Девушка сложила в углу жилеты с драгоценностями и принялась обыскивать тела «растрельной команды».

Документы, документы, какие-то мандаты, постановления, приказы, деньги, немного драгоценностей из «реквизированного», оружие...

Одежда!

Яна подумала, что ее платье – милое, изящное и пошито просто чудесно, но в таком виде?

По империи?

Сейчас?

До первого сексуально озабоченного. А как известно, в беспокойные года процент таких повышается по экспоненте. То ли обострение, то ли вспышки на солнце, то ли – вешать некому. Яна стояла за последнее.

Так... ладно!

Правильная одежда – важная составляющая успеха. Встречают по одежке, а потому...

Кожаная куртка.

Платок на голову.

---

³ Кому интересно – погуглите. Писал так «святой». И развлекался. (Прим. авт.)

Белая роза – у троих были тряпичные, правда, у двоих измазанные в крови, ну да ладно! Будем показывать и гордиться – лично стреляла, рука не дрогнула! Она даже не соврет, просто не надо уточнять, в кого именно стреляла.

Штаны...

Вот со штанами оказалось сложнее, но, пошарив по дому, Яна подобрала несколько комплектов «штаны-рубашка» подходящего размера. Что-то со слуг, что-то отцовское...

Да, отцовское...

Почему-то Петера она воспринимала именно так. Может, из-за внешнего сходства, может, еще почему-то... она не знала.

Вот Аделину Шеллес-Альденскую она не воспринимала вообще. Лежит тут... кукла Барби!

Сестер?

Жалко было девчонок. Яне любых девушек было бы жалко, попади они в такой переплет, чего уж там.

Зинаида?

Она тоже ощущалась как чужой человек. Ну, бывает.

Ладно, пора приводить девчонку в чувство.

* * *

Яна не стала ни будить, ни уговаривать, ни обливать сестру водой. Она просто занялась ее раной.

Влила в рот девочки примерно полстакана водки – та глотала в бессознательном состоянии. Промыла рану, сначала водой, потом водкой, перевязала...

Зинаида начала стонать еще на стадии промывания, а уж когда дошло до перевязки...

Наконец она открыла глаза.

– Анна?

Яна поморщилась. Ну не нравилось ей это имя! Не нравилось!!!

– Зинаида, зови меня Яна. А я буду называть тебя Зиной или Инной. Так проще.

– А...

Яна положила руку на лоб девочки, отмечая, что у нее все же поднимается температура. Пулю, увы, Яна удалить не могла. А без этого все равно скоро начнется воспаление. Нужен врач, и как можно скорее.

Проблема в том, что в Зараево им нельзя.

К Изюмскому? Судя по замашкам местечкового героя... Хотя...

Ей нужен врач. А где его найти? И как сделать так, чтобы потом этот лекарь не побежал с докладом в Комитет? Опять же, у любого врача есть соседи, родственники, есть кому донести... Хорошая благодарность – подставить ни в чем не повинного человека.

– Анни... что...

Яна вздохнула. Жалко девчонку до слез и соплей. Но и не сказать...

– Нини, милая, и мама, и папа, и сестры... все... – голос Яны невольно дрогнул.

Глаза девочки расширились.

– НЕТ!!!

Крик был таким, что стекла задрожали. Но Яна не мешала. Пусть кричит, все равно врагов рядом нет – живых.

– Анни, нет, ты же... это неправда? Я не хочу... так нельзя...

Яна плюнула на время и конспирацию и притянула к себе девчонку, прижала крепче... И то прошло не меньше получаса, прежде чем девочка оторвалась от нее, попробовала вытереть заплаканное лицо.

– Анна...

– Яна. Нини, хорошая моя, родная, нам надо уходить.

– Но...

– Прощу тебя, ты должна меня слушаться.

– А...

– Я все сделаю, – продолжила уговаривать Яна. – Я справлюсь. Но ты должна мне помочь, или у меня ничего не получится.

– Я же... – Девочка смотрела на свое плечо.

Яна махнула рукой.

– Найдем врача, и все будет хорошо. Обещаю.

– Правда?

– Да. А теперь попробуй встать.

Зинаида послушно оперлась на Яну, застонала от боли, но приподнялась. Из глаз девочки катились слезы.

– Все будет хорошо, малышка, – погладила ее по волосам Яна.

– Да?

– Да.

Взгляд сестры упал на несколько холмиков, накрытых занавесками.

– Ан...

– Яна.

– Яна. Это...

– Да.

– Я хочу...

– Посмотреть?

– Д-да...

Яна покачала головой.

– Если ты хочешь – я покажу. Но лучше не надо. Поверь мне, Нини, лучше пусть они останутся в твоей памяти живыми. Улыбающимися, настоящими, тогда рано или поздно ты будешь вспоминать их – живыми. А сейчас... Не надо, сестренка. Верь мне.

– За что нас? Яна, за что?!

Яна пожала плечами.

– Ни за что, Нини. Просто мы кому-то сильно помешали.

– Кому?!

– Мне бы тоже хотелось это узнать, – кивнула Яна. Задумчиво так...

Вообще, на происходящее в Русине ей было наплевать.

Революция? Освобождение? Да хоть дрессировка хомячков! Развлекайтесь, господа! Вот чем хотите, с кем хотите...

У Яны есть ее ребенок, ей надо добраться до Гошки. А потом еще и вывезти его из Русины в безопасное место. И найти тех, кто будет за ним приглядывать.

Оставить малыша в Русине?

Такое Яне и в голову не приходило.

Здесь – революция.

Для тех, кто в танке или на пальме: любые социальные потрясения создают громадные проблемы для населения. И страдают самые незащищенные. Женщины, дети, старики...

А еще, если вот это начинается... фиг оно быстро закончится. К примеру, перестройка. Тридцатый год порядка нету. А тем, кто не помнит перестройку, – вот, пожалуйста. Недавний пример – Украина. И что бы кто ни говорил – быстро это не закончится.

Зинаида?

Яна решила, что девочку надо пристроить на лечение и в безопасное место. Не тащить же ее с собой в Звенигород? Нереально.

А для начала...

– Давай я помогу тебе одеться.

– Да... а во что?

– А вот в это.

– АННА!!!

Сказано это было таким тоном, что Яна даже испугалась. Секунд на пять. Потом махнула рукой и принялась показывать пример. Натянула штаны на обрезанные до состояния мини-шортиков панталоны и чулки. Натянула сапоги с высоким голенищем, потопала ногами. Великоваты, конечно, но это можно пережить. Велики – не малы.

Надела рубашку, подвигала плечами, чтобы та удобнее легла, и сверху накинула кожанку.

– Инна, нас будут искать. И лучше замаскироваться.

– Это... это ужасно!

– В природе, дорогая моя, гусеница притворяется веточкой, бабочка – листиком, а без защиты живет один скунс.

– К-кто?

– Скунс. Животное такое.

– А почему?

– Потому что с...ть он на все хотел, – хмыкнула Яна.

– Анна!!!

Яна махнула рукой, показывая, что раскаивается и больше не будет, и принялась одевать девочку. Осторожно натянула на нее рубашку и кожанку, надела сапоги...

Зинаида, измученная болью и оглушенная горем, не протестовала. Но Яна сильно не обольщалась.

Вот такое поведение – это следствие шока. Ее пытались убить, у нее убили почти всех родных... Ладно – просто всех родных. И истерики еще будут, и скандалы, и крики, и...

Да чего только не будет!

Это сейчас она более-менее поддается, потому что плохо соображает. Да и алкоголь, который она влила в малявку в качестве анестезии, начинает действовать. Хорошая штука – водка.

А вот придет в себя – и даст жару. Но пока надо пользоваться.

Яна медленно спустила вниз девочку, потом драгоценности. Прихватила оружие, нагрузилась на кухне провизией. Подумала – не забыла ли чего?

Вроде бы не забыла.

Итак, у нас есть – автомобили!

И слава богу, что они есть. С лошадьми Яна ладила, но править той же двуколкой уже не смогла бы. Ее потолок – телега, и с очень покладистыми лошадками. Теми, которые ведут себя прилично, не кусаются без надобности, не лягаются лишний раз, не... И где таких найти?

А вот с автомобилями Яна ладила.

Она ведь жила на кордоне. И на кордоне был «уазик». Старый, еще шестидесятых годов выпуска, ломающийся через два раза на третий так, что отец ругался нехорошими словами – и лез его чинить. Яна, конечно, помогала.

Оставалось разобраться в местном механизме.

Итак, автомобиль. На что же он похож?

Судя по запаху, работает на чем-то бензиновом. На керосине? Лигроине? Бензине?

Ага, а вот и канистра с чем-то... кажется, это все же лигроин. И канистра интересная, круглая, как жестянка, просто пробкой заткнута. Понятно, здесь еще нет автосервисов, и стандартов нет, и всего остального...

Яна обошла машину, разбираясь в конструкции. Больше всего ЭТО было похоже на карету, у которой оторвали лошадей. Зато впереди приладили нечто вроде водительского места.

Руль?

До круглого руля тут не додумались, торчало нечто вроде рогульки такой растопыренной, за рожки надо было браться и поворачивать.

Спидометр? Тахометр? Ага-ага, даже два раза!

Ключ? Замок зажигания? Опять мимо! Машина заводилась «с рычага». Яна так поняла, что надо было покрутить здоровущую ручку в районе капота, тогда она заводилась и ехала.

Были какие-то рычажки, кажется включение фар, что-то еще...

Яна решила осваивать все методом тыка и приступила ко второй машине.

Еще одна канистра ее порадовала. Жаль, машину нельзя будет взять с собой. Но выбора нет. Придется ехать на одной и рисковать...

Ну и ладно!

Яна знала историю, хотя и выборочно! И точно знала, что, когда создатель концерна «Мерседесов», Карл Бенц, создавал первое авто, жену он довел до ручки. Или – до амортизации?

До такой степени, что та погрузила в машину вещи и двоих детей – и уехала к матери. Заправлялась в аптеках, несколько раз ломалась, но ведь до мамы доехала?

По другой версии, она это сделала, чтобы привлечь внимание к авто мужа, и мигом стала популярной личностью⁴.

Но дело-то не в Карле Бенце. А в том, что мадам сама ехала – сама и машину чинила! Самостоятельно! Шпилькой для волос там что-то прочищала, подвязкой для чулок стягивала... иными словами, машины здесь явно чинятся с помощью ломика и растакой матери.

Яна готова была обеспечить и то, и другое.

Получится?

Не получится?

Начинать с чего-то надо, а дальше будет видно.

Эх-х, было у Яны одно искушение, было! Вот жутко ей хотелось погрузить трупы императорской семьи в машину и отвезти в Зараево. Прямо на площадь.

А там влезть на броневичок и – по классику!

– Товагишшшы! Великая Октябрьская геволуция, к котогой вы так стгемились, оплачена сполна! Тгупами женщин и детей! Вы довольны?

И поднимать на борьбу революционные массы!

Останавливала простая мысль.

Пришибут – да и все.

Если говорить о революции в России... да пристрелили бы там, хоть принцессу, хоть лично Николая, хоть кого. И ее пристрелят.

Поднять народные массы на борьбу?

Это возможно только в одном случае. Когда дошли все. И до точки. Когда дома шаром покати, детям жрать нечего, перспектив вообще никаких, война идет... Да, еще из-за границы должны это все качественно проплачивать. Последнее – обязательно.

Вот тогда и ярость благородная вскипает как волна (благодаря предусмотрительно подсунутым в воду кипятильникам), и идет волна народная, куда ее направят. Или война?

Яна и не помнила так-то.

И вообще – на фига козе баян? Ей надо завести машину и убраться отсюда куда подальше. А там уж разберемся. Но сначала – врач!

---

⁴ Правда-правда. Можете погуглить, я видела обе версии. (Прим. авт.)

Вряд ли Анна одобрит, если Яна угробит ее сестру. Кстати – единственную оставшуюся в живых представительницу дома Вороновых и единственную наследницу.

Будем честны – Яны через год здесь не будет. Вообще нигде не будет. И единственным человеком, который имеет права на престол, останется Зинаида. Вот и надо ее вылечить – для начала.

Гошка?

Чисто гипотетически права у него есть.

Чисто практически?

Да только через Янин труп!!! Чтобы ее ребенка во всю эту грязь втянули?!

Ладно еще она бы осталась рядом с ним. Но она-то будет мертва. А судьба детей на троне...

Кто читал историю – вспоминаем. Павла, Иоанна... не живут на тронах дети. Просто – не живут. Так что – нефиг!

Захочет Зинаида – пусть правит, не захочет – пусть не правит. А сына не троньте! На ноль помножу!

Куда ехать?

Яна не представляла. Хотя бы потому, что не представлял этого и допрошенный.

Да, вон там, в той стороне – Зараево. Значит, им надо по дороге и в противоположную сторону. А дальше...

Решим по ситуации!

* * *

Яна погрузила все, проверила вещи еще раз и погладила Зинаиду по волосам.

– Сиди, детка.

– Я... Что ты хочешь сделать?

– Ничего хорошего, – вздохнула Яна. – Мне это очень не нравится, поверь мне.

– Анна?

– Яна. И прекращай оговариваться.

– Яна?

Яна сосредоточенно поджигала импровизированный факел. Керосин из лампы, палка от швабры и кусок шторы. Загорелось, словно так и надо было.

И Яна вошла в дом.

– НЕТ!!!

Позади остался крик Зинаиды, которая сообразила, что хочет делать сестра. Поздно, слишком поздно.

Яна начала со второго этажа.

Она шла – и поджигала. Шторы, ковры, мебель... Она не зашла в комнату, в которой лежали родные Анны. Не смогла.

Она не виновата в их смерти. Она не убивала. Эти люди для нее вообще никто!

Но...

Как же был силен инстинкт.

Как же хотелось сесть рядом с «отцом» – и завывать. Завывать жалобно и безнадежно.

И похоронить всех как подобает.

И не глумиться над останками.

И...

Погрузить трупы в машину, приехать и посмотреть в глаза той мрази, которая все это начала.

Мрази, какие ж мрази!!!

Но – нельзя.

То, что она делает, – самый лучший вариант. Если уж брать историю...

По-славянски.

За смерть родных она отомстила, тризну не устроила, но зато есть огненное погребение. И в погребальный костер идут и трупы врагов – пусть на том свете прислуживают своим жертвам.

Смерть родных оплачена.

Почти...

Спите спокойно.

И Яна шла, а за ее спиной медленно поднимался, разворачивал крылья и скалил зубы огненный зверь. Он был еще маленьким, но вполне хищным, он пожирал дом и рос, разрастался, и когда Яна выбегала из дверей, за спиной ее раздавался вполне себе злобный рев демона.

Добыча!

Уходит!!!

* * *

Яна завела машину и вспрыгнула на водительское сиденье.

– Нини?

Бесполезно.

Яна пригляделась и медленно опустила ресницы. Сестрица лишилась чувств. Ну и ладно, ехать спокойнее будет. Некогда ей о чужих чувствах заботиться.

Яне позарез требовалось пристроить куда-нибудь эту трепетную ромашку и отправляться в столицу Русины.

В Звенигород.

Жар от горящего дома был такой, что волосы начали курчавиться. Яна хмыкнула и попробовала одну педаль, потом вторую...

Разобралась кое-как, эмпирическим путем, где газ, где тормоз, а вот как переключать сцепление... сразу она и не сообразила.

Всего здесь было две педали. Левая отвечала за коробку передач, нажмешь – включается первая передача, отпустишь – вторая. Правая педаль – тормоз. Задний ход включался рычагом. Яна это поняла, когда на нее злостно налетело дерево. Понаставили тут, понимаешь!

Зато теперь она знала, что это не ручник.

А с другого бока?

Ага, а вот это – ручник⁵.

Сложно?

Зависит от ситуации. Если не жалеть машину, вполне можно разобраться. И ехать себе по делам...

Яна и ехала.

* * *

Запас прочности у машины был неплохой, вот скорость подкачала, но для этого времени и места – вполне. Яна прикидывала, что они делали двадцать – двадцать пять километров в час.

Конечно, оно дикая новинка!

---

⁵ Нечто подобное было на первых «фордах». (Прим. авт.)

Никому и в голову не придет, что для Яны это не скорость. Девушка успевала управлять автомобилем, глядеть по сторонам и внимательно прислушиваться.

Но на дороге было тихо и спокойно. То ли никто здесь не ездил, то ли еще что... Хотя – что?! Вот куда можно ездить во время гражданской войны? Когда в стране бардак и императора убивают, как собаку бешеную?

Да никуда!

Если только по большой надобности, вроде врача привезти, священника, если уж вовсе безвыходность и безнадега. А так лучше всего сидеть на попе ровно и молиться, чтобы пронесло. Так поедешь да наткнешься...

Вот что замечательно размножается во время беспорядков – так это преступность. Шайки, лейки, водогрейки, что там еще в списке?

Да все!

Вся мразь, вся пена, все наружу выплывает и ищет, где пожить.

Есть такой замечательный фильм «Свадьба в Малиновке» – вот там отлично все это показано. Один налетел, второй налетел...

Куда-то ехать?

Жить, простите, хочется.

Так что Яна поглядывала по сторонам и думала, куда ее приведет дорога. А еще думала, что расстреливали их с утра, а сейчас уже время к вечеру. Где включаются фары – она нашла, так что поедет и ночью, насколько хватит сил.

Спать?

Да какой тут, ложки-матрешки, сон? Тут драпать надо! И быстро!!!

Вот что сделают в Зараево?

Эм-м-м...

Допустим самое худшее – оперативность и сообразительность врага. Там наверняка есть местный Комитет. Есть. Михай рассказал.

Итак, они направили этого... жома-как-там-его-кличка расстреливать семью императора. Пока он доехал, пока расстрелял, пока собрал трофеи, пока зарыл трупы или еще как пристроил – когда забеспокоятся?

Да уж не раньше завтрашнего дня.

Благо жом этот самый, по словам Михая, был братом какого-то столичного жома. И боялись его местные комитетчики как огня.

Выводы?

Итак, примерно сутки на расстрел.

Ах да! Если сегодня должны были расстрелять, то естественно собрать трофеи, отметить сие событие... проспаться.

Раньше завтрашнего обеда в Зараево так и так не забеспокоятся. Даже если кто пожар заметит. Дело абсолютно житейское, да и усадьба стояла весьма уединенно. За что и выбрана была – мало ли кто забредет да императору посочувствует... Такие вероятности следовало исключить.

Итак, обед следующего дня. Скорее всего, пошлют гонца с вежливым вопросом: дорогие гости, не пора ли сообщить о происходящем?

Такое торжество, такая победа народа... десяток человек расстреляли! Причем большая часть – бабы. Есть чем гордиться! Хоть сейчас медаль вешай!

Приедет гонец, и что он увидит?

А вот тут – простор для воображения. Потому как все тела Яна стащила в дом и подожгла – всех. Сколько дом гореть будет? Сколько пожарище будет держать тепло?

Ну, если дождь не пойдет, она бы там и завтра не покопалась, это точно.

Итак, приезжает человек, одна машина сожжена, второй нет, дом сгорел... где все? Неясно. Поедет докладывать.

Пока в Зараево решат раскопать пожарище – тоже время пройдет. Да и... не обязано начальство им отчитываться. Могло и на машине уехать до ближайшей паровозной станции.

В лучшем случае отобьют телеграмму в Звенигород, мол, так и так... пропал человек, совсем пропал. Оттуда гавкнут – и начнутся поиски.

Это – как вариант. Тогда у Яны примерно неделя, потом станет опасно.

Вариант второй, худший. Ежели в Зараево найдется умный, хваткий и опытный человек. А найтись он может.

Революцию делали не только накокаиненные матросы и всякая шантрапень. Там и вполне себе умные и серьезные личности были.

Тот же Сталин! Тот же Дзержинский, Коллонтай, Менжинский, Свердлов, Фрунзе, Молотов, Ворошилов... Перечислять – так язык отвалится.

Дураки?

Ага, всем бы такими дураками быть! Чтобы в горниле Гражданской войны не просто уцелеть – наверх выползти, надо не дураком быть, а личностью. Моральные качества – вопрос второй. Но без стержня там делать было нечего.

И Яна искренне считала, что власть в России сама довела народ до революции. Чего только один циркуляр «О кухаркиных детях»⁶ стоил. Делянов, с-собака страшная, постарался, такую свинью подложил императору, что хоть ты ему медаль давай. За самую выдающуюся гадость десятилетия – точно.

Яна точно знала: закрой кто ее ребенку дорогу к образованию... Она бы лично в того Делянова бомбу кинула. И плевать на все!

Вот и довели...

Ладно, это она опять отвлеклась. А если так – находится умный и хваткий. Тогда уже к вечеру завтрашнего дня пожарище начнут разбирать.

Посчитают трупы, прикинут хвост к носу и поймут, что кто-то из императорских дочерей спасся. Кто именно – могут и не понять.

Человек после пожара выглядит... неаппетитно. Максимум, что можно разобрать, – мужчина это или женщина. Если повезет. А может и не повезти. Но по головам пересчитают. И начнут искать двух женщин.

Яна подумала переодеться в парня, но потом отмела эту мысль.

Не получится. Это в романах героиня бодро нацепляет на себя штаны, проникает куда надо и не надо...

В жизни? Да разоблачат ее в той жизни в три минуты! Проколется!

А она – еще быстрее. Она же ничего, ничего об этом мире толком не знает! Не умеет себя вести, не знает жаргона, словечек, движений...

Бесполезно, одним словом.

Память Анны ей досталась, большое гран мерси леди Хель, но что в ней толку? Это – императорская дочка!

Ну знает Анна, как зовут любимого коня дядюшки! Знает, какой вилкой есть салат! Знает этикет, музыку, языки, кучу народа, способна идеально организовать быт...

И что?!

---

⁶ 23 мая 1887 года Делянов обратился к государю императору с предложением ввести законодательный запрет приема в гимназии детей большинства российских сословий, кроме дворян, духовенства и купцов. «Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». (Прим. авт.)

Все равно это ей не поможет! Она не может оплатить проезд, купить булочку, почистить картошку, она не знает, сколько стоит снять комнату на ночь, она НИ РАЗУ не общалась с кем-то за пределами своего сословного круга!

Показалось, что это песец?

Ну так оказалось, что не показалось!

И сестрица еще... вот куда ее денешь – такую неприспособленную?

В банку сдашь!!! В трехлитровую!!!

С собой тащить в Звенигород? Считаю, приговор подписать обеим. За себя Яна не сильно волновалась, и к тому были предпосылки. А вот за Зинаиду, этакую трепетную орхидею-маргаритку, волноваться стоило.

Но куда ее можно пристроить?

А надо, надо...

Интересно, есть ли в этом времени газета «Из рук в руки»?

И дают ли в ней объявления, типа: «Отдам княжну в хорошие руки, воспитанная, умная, добрая, к лотку приучена»?

Яна хмыкнула.

Машина ползла по темной проселочной дороге.

Глава 3

Люди по ним ходят. Ходят по ним дроги

Анна. Россия

Анна спала и во сне проживала жизнь Яны.

Спала – и видела все...

Видела кордон. Видела уютный и теплый сруб, который грел на солнышке золотистые бока, видела любимые Янины поляны с земляникой, видела отца...

Видела, как Яна протягивает ему кружку с ягодами и как отец ловит ее и подбрасывает высоко-высоко. И девочка счастливо смеется.

И так был похож Янин отец на Петера...

Видимо, и вправду – кровь.

Через миры, через века...

Недаром говорят, что все миры суть отражения друг друга и в каждом из них мы проживаем свою маленькую жизнь.

Книга Веры считала это жуткой ересью, но говорили же, Анна помнила нянюшкины сказки...

Анна видела шубку из лисы, которую сшили Яне, и рыжую лисью шапочку. И видела, как в школе какой-то мальчишка сшил с нее обновку.

Яна, недолго думая, треснула его кулаком в нос...

Завязалась драка, в которой девочка победила, попинала оппонента ногой и объяснила, что в следующий раз с него шкуру сдерет. А что? Ей сумочка нужна! И сапоги!

Кажется, мальчишку она напугала всерьез... а чему тут удивляться?

Яна росла в лесничестве, на кордоне. С детства она имела дело с собаками, с оружием, с машинами. С раннего детства...

Рядом с кордоном был комплекс отдыха. Не правительственного значения, а местный. Президенты туда отдыхать не приезжали, а вот местные власти его своим вниманием жаловали.

И местные бандиты.

И местные служители закона.

А дети – они такие дети!

Не подслушать? Не подсмотреть? Не влезть куда-нибудь любопытным носом?

Яна росла в прямом смысле слова «дочкой полка». Ей привозили сладости и игрушки, ее учили стрелять, учили собирать и разбирать оружие, чистить, набивать патроны, лить пули, учили...

Да проще сказать, чему ее НЕ учили. Хорошим манерам. Не то общество, знаете ли! А в остальном...

Стрелять? Пожалуйста!

Работать ножом? С легкостью! Хоть человека прирезать, хоть животное, хоть шкуру снять, хоть разделать... Кстати, готовила Яна тоже неплохо, но походно-полевые блюда. Изысков высокой кухни от нее ждать не приходилось, но шашлыки она делала отменные.

И в вине разбиралась, и самогон гнать могла, и починить что угодно...

Машины?

Она отлично водила машину! Могла ее собрать-разобрать, уж «уазик» – точно.

Будь у Яны хоть малейшие криминальные наклонности – Сонька Золотая Ручка в гробу бы извертелась. Но у Яны их просто не было.

Никаких.

Ей хотелось жить в лесу, хотелось заниматься тем же, чем и отец, она не мыслила себя где-то еще, конечно, она выбрала стезю биолога. А дальше – кто знает?

Вот Яна сдает экзамены. Вот показывает отцу свои результаты – почти везде высший балл. Вот видит свое имя в списках зачисленных в институт.

А вот и первая ее любовь.

Ах, как он был хорош! Анна во сне даже слегка позавидовала Яне. Сергей Цветаев был... потрясающим! Высоким, светловолосым, голубоглазым, великолепно одетым...

Он мог вскружить голову кому угодно!

А вот и объяснение...

«Мне твой убудок не нужен. Сделаешь аборт – приходи. Вот деньги...»

И Янино насмешливое: «Да пошел ты...» И точное указание, куда пойти. Очень точное и конкретное.

Кордон. И отец, который пожимает плечами. Осуждение? Вот этого в его глазах и нет, и не было. «Яна, внук – это замечательно! Говоришь, нет отца? Да и плевать – что мы, пацана не воспитаем?»

И зависть даже сквозь сон. Ах, если бы так сложилось у Анны!

Если бы...

Не сложилось.

Мир другой, а люди... люди те же. Те же страсти, те же эмоции, те же поступки...

Яне повезло больше, чем Анне. У Анны была большая семья, и никого близкого. У Яны семья маленькая, отец да она, но ближе и роднее людей Анна не видела. Яна могла доверить отцу – все.

А Анна?

Яна знала, что ее не осудят, не станут ругать, не оттолкнут, не предадут...

И Анна отчаянно завидовала ей. Может, так и лучше?

Не сорок кузенов и кузин, которым на тебя наплевать? А два-три человека, которые готовы отдать за тебя жизнь?

Но в том-то и дело, что Яна тоже до безумия любила своего отца.

Если бы встал вопрос – отдать ему почку или там прыгнуть с высокой скалы, Яна и не задумалась бы. Наоборот, явись к ней дьявол с контрактом – никуда бы бедолага не делся, пока Яна все не подпишет, а он все не выполнит.

Ради отца и сына Яна готова была...

На все?

Это еще слишком слабо сказано.

Переспать с кем угодно, убить, умереть, да хоть что! Даже жить, если понадобится. В любой позе и в любой ситуации.

Анна представила Яну на своем месте и хмыкнула.

Да, Яна, безусловно, справится. Можно только посочувствовать всем окружающим – это чудовище с них шкуры на просушку сдерет.

А справится ли сама Анна?

Здесь и сейчас, видя сон, она отчетливо понимала, что не сможет. Она не знает и половины того, что знает Яна. Не умеет. Не справится...

Она даже готовить толком... ну кому тут нужны устрицы? Или филе ягненка в тесте фило, или фуа-гра, или утка под прессом... Анна могла руководить кухонными рабочими, она знала эти рецепты, но как готовить на электроплитке?! Этого она не умела.

А как мыть полы?! Ладно еще – контролировать горничных, но самой?

Она не умеет!!!

И все четче сквозь сон оформлялась мысль.

Яну она заменить не сможет!

* * *

Когда Анна проснулась, солнце было уже высоко.

Болело – все.

Голова болела, мышцы ныли, страшновато было...

Вообще хотелось заползти под кровать и не вылезать оттуда следующие лет двадцать. Останавливала простая мысль: кушать захочется раньше.

Анна кое-как поднялась – и направилась на исследование новой территории.

М-да.

Много тут исследовать не получилось. Туалет порадовал, душ принес хоть какое-то облегчение, а стоящая в холодильнике банка консервов помогла наесться. Хотя раньше консервированную горбушу княжна не пробовала.

Ничего, страшнее бывает.

Все ощущалось словно во сне или в сказке. Вроде бы и с ней это происходит – и не с ней. И это притупляло отчаяние, смягчало горечь одиночества, помогало размышлять. Анна словно через стекло наблюдала за этим миром, а вот себя в нем пока не видела. Не могла определить свое место, не могла разобраться, не могла...

Но если бы она сейчас билась в истерике, было бы лучше?

Вчера ее убили.

Вчера убили всех ее родных.

Вчера она смотрела в глаза смерти. В буквальном смысле слова. Это было вчера.

А сегодня?

Ей подарили год жизни. Пусть странной, пусть непонятной, но...

Неожиданно на Анну волной накатило... облегчение?!

Да, именно так.

Пусть через год она опять пойдет к Хель – ничего страшного в этом нет. А вот здесь и сейчас – она свободна!

Свободна от всего!

От этикета, от манер, от титула, от своего долга – у нее больше нет никакого долга. Разве что перед сыном, но это – справедливо. Когда-то она от малыша отказалась. Сейчас пришло время все исправить, и она исправит. А остальное...

Как это оказывается, легко! Быть свободной!

И девушка рассмеялась, откинув назад голову.

Может быть, опытный психиатр и различил бы в этом смехе нотки безумия. А может, и нет. Пережить все, что пережила великая княжна, и остаться в здравом уме? Вряд ли это возможно. Но Анна была здорова, не билась в истерике и собиралась взять от жизни все возможное.

Много это?

Мало?

Не важно! Пусть будет это самое «все», а дальше – разберемся. Но первым делом – сын!

Анна сидела и размышляла.

Итак, вопрос. Ребенок сейчас в больнице. Денег хватит на операцию, но как быть с реабилитационным периодом? А потом еще как?

Ребенку надо как-то жить, где-то, с кем-то...

Ладно.

В лесу, на кордоне – проживет с отцом. Но ведь и отец не молодеет! Ему уже за пятьдесят! А случись что? Куда пойдет ее малыш?

Мало того, случись повторение ситуации? Сердце ведь...

Анна плохо себе представляла, что там надо, чего не надо, но... Нужны деньги. Как их заработать в этом мире, она пока не понимала. Запищал телефон.

Анна медленно взяла его в руки. С экрана смотрела счастливая детская рожица.

– Аллю?

– Мам! Доброе утро!

Гошка чуть картавил. Не до логопеда было Яне.

– Доброе утро, солнышко мое.

Анна почувствовала... нечто.

Память Яны?

Нет.

Просто... Счастье. Теплое, уютное, свернувшееся клубочком в районе солнечного сплетения.

Ее сын.

Ее мальчик, ее кровиночка...

– Мам, а я сегодня вставал! Вот!

– Да что ты говоришь?!

Анна восхищалась, разговаривала, улыбалась, и понимала, что это – ее мир. Пусть на год. Ее сын. Неужели она не справится?

Да еще как!

И, поговорив с Гошкой, она решительно подошла к зеркалу.

М-да.

Растрепанные волосы, белое, словно мел, лицо, усталые глаза... да, вчерашнее происшествие не на пользу пошло.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Яночка, открой! Это тетя Катя!

Щелк.

Картинка из памяти.

Седые волосы коротко острижены под каре и обрамляют доброе усталое лицо. Карие глаза улыбаются. Тетя Катя одного роста с Яной, но сейчас чуточку сгорбилась. Худощавая, но ширококостная, из-за чего она кажется чуть толще, чем на самом деле...

– Тетя Катя, доброе утро.

– Яночка, утро доброе. Как у тебя дела? Как самочувствие?

– Кажется, я приболела, – призналась Анна. Смерть же тоже можно считать?

– Неужели вчера под дождь попала?

– А может, просквозило. – Анна опустила глаза. Врать не хотелось, но и правду не скажешь!

– Ох, кошмар! Давай я тебе малинки принесу?

– Да есть у меня, тетя Катя. – Анна чуть улыбнулась.

– Ох, точно! Что ж это я, ты ж меня и угощала!

Анна развела руками. Мол – она.

Действительно, отец снабжал продуктами, так что на еду Яна тратила намного меньше. Варенья, соленья, копченья...

Перепадало и тете Кате.

– Яночка, ты уж осторожнее. Вечно ты идешь домой по темноте, а кругом разные гады...

– Что-то случилось, тетя Катя?

– Да! Ты представляешь, милиция по дворам ходит!

Новомодного «полиция» тетя Катя в упор не признавала. Или наоборот – старомодного?

– Зачем?

Анна почувствовала, как сильно забилося сердце.

– Говорят, двух человек убили! Совсем, до смерти убили!

– Ой! – натурально испугалась Анна.

– Да, и недалеко тут вроде! А ты по темноте ходишь! А тут эти наркоманы... Мишка, гад! Развел притон и дружков своих поваживает! И все знают, и никто ничего не делает...

Щелк.

Мишка.

Худое, невыразительное, чем-то похожее на паука-сенокосца существо, с вечно невымытыми волосами. Остальное тоже не мылось с рождения.

Наркоман, заодно и приторговывает...

Авторитетное мнение Яны – сволочь.

Живет в соседнем дворе. Там от него тоже все стонут, но участковый его не трогает.

Почему?

Не загадка.

Данное чмо (человек, мешающий обществу, человек малообразованный, человек морально опу... отсталый, как аббревиатуру ни расшифруй – все в тему) является двоюродным братом жены участкового. А жена... Сложно с женой, и ссориться с ней неохота. Проще потерпеть, авось сам загнетса от передоза.

У Анны мелькнула МЫСЛЬ.

Или – у Яны?

Наверное, так могла бы подумать Яна, но Анна эту идею тоже поддерживала. Осталось только подобрать подходящий момент. А дворы-то соседние.

А забор...

Забор хоть и крепкий, но есть лазейки. Они всегда есть, Яна их знала. Анна теперь тоже. Осталось подкинуть хорошему человеку и нож, и шило. А там пусть объясняет полиции, как у него оказались данные артефакты.

Ага, осталось подкинуть.

Самое забавное, что днем это безопаснее. Если...

– Тетя Катя, спасибо. Я вот думаю, может, мне другую работу поискать?

– Давно бы пора! А то куда ж! Ходишь как пацанка какая, прости господи, штаны да майки!

Анна развела руками.

– На другое денег нет.

Тетя Катя оживилась.

– А ты зайди ко мне. Сейчас-то мне уж некуда, но в молодости я пофорсить любила!

Глядишь, чего из платьев и подберем? Если не побрезгуешь?

– Тетя Катя, что вы! – возмутилась Анна. – Как вы можете такое говорить?

Слова слетали с губ непринужденно. Видимо, память Яны подсказывала, как поступать.

– Вот и ладненько. Обязательно загляни.

– Хорошо. Сейчас, еще обувь посмотрю...

– Да, уже пора убирать летнюю и доставать осеннюю, – кивнула тетя Катя.

И Анна отправилась в сарай.

На улицу было пока страшновато. А сарай...

Каждому частному дому квартирного типа положена сараюшная постройка. Иначе это сооружение и не назовешь. Такой длинный сарай, поделенный на отсеки. Одна квартира – один отсек. В клетушке, в которуюходишь полупригнувшись и чихая от залежей вековой пыли и трухи, хранятся самые важные вещи. Колесо от трактора, одна лыжа, куча драной обуви, несколько банок с неизвестно какого века вареньем...

Яна, купив свою клетушку, потратила три дня на разбор завалов и изрядно обогатила местную помойку. Теперь в клетушке хранились несколько чемоданов. Одежда летняя – зимой. Одежда зимняя – летом. Велосипед, несколько коробок с обувью, присланные отцом лесные дары. Те, что в банках.

Больше Яна там ничего не держала.

Анна к сооружению подходила с чувством глубокого внутреннего отвращения. Даже до ручки (хоть та и была чистой), дотрагиваться было страшно и неприятно. Но – надо.

Яна ходила всегда и везде в одной форме.

Джинсы, майка или свитер, короткая куртка, ботинки типа «говнодав». Дешево, удобно, стильно. В своем, неповторимом стиле.

Анна так ходить не могла и не хотела. Денег нет и не будет, значит, надо посмотреть, что есть у Яны. Вдруг что-то да подойдет?

И верно...

Можно многое сказать о Сереже Цветаеве, но жадным он никогда не был. Чего б мамочкины деньги и не транжирить?

Яна пару раз принимала от него подарки, чтобы порадовать любимого. Хотелось ему увидеть рядом с собой не «солдатика Джейн», а красивую девушку. А когда отношения закончились...

Яна хотела собрать подарки, да и отнести на помойку, но остановил практицизм. Вещи не виноваты, а денег на новые у нее точно не будет. Даже здоровый ребенок – это расходная статья, которая влегкую пробивает самый мощный бюджет. А уж больной...

Носить как-то не пришлось, но в чемоданах нашлись несколько предметов, которые искренне обрадовали Анну.

Первое – роскошное пальто, длинное, теплое, плотное, даже с капюшоном. Осеннее, темно-серое, из какой-то мягкой ткани. Анна на миг потерялась об него щекой.

Понятно, почему Яна его не носила, для такого пальто очень много всего нужно. А что есть еще?

Нашлись еще несколько вещей, которые Анна сильно одобрила.

Первая – брючный костюм. Жакет без рукавов, блузка и брюки. Конечно, страшновато такое надевать, но это лучше, чем матросские штаны и свитера жуткой вязки.

Вторая – платье. Увы – летнее. До пола, легкое, светло-зеленого цвета, в мелкий цветочек...

Анна решила дополнить его шляпкой и перчатками, и будет замечательно. А больше из одежды ей ничего и не подошло.

Майки? Джинсы? С точки зрения великой княжны, надевать такое недопустимо. Нет-нет, она все понимает, но... Это – одежда для работы в саду. К примеру. Для верховой езды, для охоты... Но не на выход!

С обувью получилось еще хуже. Нашлись только одни приличные ботинки, но на таких каблуках, что без слез не взглянешь. Вся остальная обувь годилась пинать поверженного врага, а эти ботинки были аккуратными, на тонкой подошве, с круглым носочком и каблуком-шпилькой. На таких Анна раньше не ходила, но – что поделать? Выбора нет.

Другой обуви тоже нет. И это все осеннее, на зиму нужно нечто другое.

Нашлись еще одни кожаные плетеные босоножки, симпатичные, из разноцветных ремешков, но – сейчас не сезон. Сейчас сентябрь, до тепла еще дожить надо.

Анна отложила понравившиеся вещи и выглянула из сараюшки.

Никого.

И из окон ее не видно.

Перчатки – на руки. Тонкие, целлофановые. И – одним движением руки – нож и шило переправляются за забор. Там стоит такая же сараюшная постройка, вот за нее они и попадают.

Найдут их там?

Не найдут?

Да кто ж знает...

Анна сотворила знак Единого и отправилась к себе.

Да...

Спасибо, Хелла.

Анна сильно подозревала – окажись она здесь просто так, без памяти Яны, ее бы в сми- рительный дом отвезли. Да и сейчас...

Она ощущала все как-то странно. Словно сквозь легкую вуаль.

Эмоции были, но они не ранили, не заставляли кричать, корчиться от боли... опреде- ленно, Хелла постаралась.

И снова – спасибо.

Итак, ей надо устраиваться на работу. Сегодня она еще оглядится и подумает, а завтра – завтра начнет новую жизнь. А еще...

* * *

Остаток дня Анна провела на диване перед телевизором. Смотрела все подряд, от ново- стей до мультфильмов, и восторгалась.

Сто лет!

Если она правильно поняла мысли Яны, между ними разница в сто лет – и такие изме- нения! Потрясающе!

Телефоны, компьютеры, телевизоры, машины...

Ей будет сложно. Но... так интересно!

Анна была молодой женщиной, и ее манил притягивал новый мир, дарованный ей мило- стью Хеллы. Ну как тут не заинтересоваться?!

Ах, реклама...

К концу дня голова у Анны шла кругом. Но в то же время...

Как же счастливы женщины этого мира!

Они не знают корсетов, которые сдавливают все внутренности! Они не надевают толстые чулки и не мучаются с подвязками. У них есть тоненькие колготочки, которые словно расте- каются по ноге. Правда, и рвутся они тоже замечательно, но... Насколько же это удобнее!

А еще...

Единственное, в чем пока не разобралась Анна, – это в странной одежде «с крылыш- ками». Интересно, куда ЭТО клеится? А то реклама как-то не осветила этот вопрос...

* * *

Вечером к ней опять поскреблась тетя Катя.

– Яночка, ты ко мне не заглянешь?

– Да, конечно, тетя Катя. А что случилось?

– Да так, ничего...

Квартирка у тети Кати была не больше, чем у Яны. Но сейчас в ней и присесть было не на что, потому как все свободные поверхности (да и сколько их было?) занимала одежда.

Несколько блузок: белая, кремовая, сиреневая, розовая – самые ходовые цвета.

Две юбки.

Три платья.

– Остальное тебе точно не подойдет, а вот это примерь-ка, – кивнула тетя Катя.

Анна чуточку стеснялась, но – почему бы не попробовать? Юбки оказались впору. Обе длинные, до щиколотки, одна серая, вторая черная, примерно одного фасона, расходящиеся широкими клиньями от талии. Анне такой фасон нравился, он был привычен и удобен.

Блузки были чуть великоваты в груди, но это не страшно, можно чуточку ушить. Иголкой и ниткой Анна владела. Правда, чаще вышивала, но и шить доводилось, особенно в последнее время. И штопать тоже...

Последнее время у них практически не появлялось новых вещей, чулки прохудились, на нижнем белье прорехи...

Довольно!

Этого – не было!

Анна прикусила губу, приказывая себе не думать ни о чем, – и взялась за платье.

Платья были примерно одного фасона, различие в деталях, а вот принцип один и тот же. Облегающий лиф, тонкая талия, юбка-клеш. Тете Кате когда-то шел такой фасон, он всем к лицу, у кого есть талия. Различались они по цветам – белый в цветочек, синий и бордо. Одно летнее, одно с рукавами три четверти, одно зимнее, теплое. Летнее – легкое, до колена, с юбкой солнце-клеш, с рукавами «фонариком» и легкомысленным вырезом «лодочкой». Анне оно было к лицу, но выйти так на улицу?

Хотя здесь еще и не так ходят, Анна сама видела в телевизоре... позорище жуткое! Слов нет!

Как можно все – вообще все – выставлять наружу? Это не просто неприлично, это еще и некрасиво, и вообще... Тянуться друг к другу должны не тела, а души. Но в этом мире о Книге Веры никто не слышал, равно как и о ее заповедях.

Осеннее платье было также до колена. Рукава три четверти, воротничок под горло, молния на боку, аккуратная, с крохотным замочком, чтобы не выделялся. Поясок белого цвета, белый воротничок – и можно приколоть цветок или какое-нибудь украшение.

Да, сюда бы пошло что-то перламутровое... но здесь у нее все равно ни одного украшения. У Яны не было ни колец, ни цепочек, ничего.

Крестик?

Яна его отродясь не носила. Лес же! Зачем его покупать – чтобы тут же посеять?

Зимнее платье было длиной до середины икры. Насыщенный цвет красного вина, даже чуть потемнее, ряд пуговичек спереди, вытачки на лифе, длинные рукава...

– Как тебе к лицу! Бери и носи, если нужно, – кивнула тетя Катя. Она смотрела с одобрением.

– А вы?

– А мне уж поздно такое носить. Не по возрасту, да и желания нет. Хотела отдать, а только кому? А так вот... и тебе хорошо будет, и мне... вот и сумочка есть. И комплект – берет, перчатки и шарф. Мне уж не по возрасту, а тебе, молодой, все к лицу.

Анна прикусила губу.

Спрашивать, сколько она должна?

Такие вещи княжна чувствовала спинным мозгом. Если она только попробует... Она сильно оскорбит эту женщину. Очень сильно.

Тогда...

– Благодарю вас за помощь. Я этого не забуду.

И сказано это было таким тоном...

Тетя Катя, которая собиралась махнуть рукой и сказать нечто веселое, вдруг покачала головой. А потом улыбнулась, хорошо так, по-доброму.

– Все будет в порядке, Яночка.

– Тетя Катя, называйте меня Анной?

– Надумала, значит?

Тетя Катя была в курсе нелюбви Яны к ее имени. Так что...

– Повзрослела, наверное.

– Может, и так. Странная ты сегодня... Анечка.

Анна развела руками, демонстрируя, что да, странная. Но это все еще она. И ответом ей стала улыбка, согревшая сердце великой княжны.

Один близкий человек у нее уже есть – в этом мире. Даже три.

Отец, сын...

Как это замечательно!

Русина, Звенигород. Комитет Освобождения

– Жом Тигр.

– Жом Пламенный.

– Проходите, друг мой, садитесь.

Жом Тигр послушно прошел и уселся, разглядывая оппонента.

Высокий лоб, гладко выбритое лицо, залысины, умные и яркие карие глаза, тонкие губы, темные жидковатые волосы... вроде бы ничем не примечательный человек. Такого на улице встретишь – пройдешь мимо. Но стоит ему выйти на трибуну... Народ взрывается воплями одобрения.

Как уж ему это удастся? Неизвестно, но толпу он держит в повиновении, как последнюю шлюху.

Последние дни ему явно дались нелегко. Вот и под глазами тени, и скулы словно карандашом обвели, и руки подрагивают – нервный тик...

Жом Пламенный резкими движениями разминал сигарету.

Тигр молчал. Большие кошки вообще неразговорчивые. Зато покушать любят. Много.

Оппонент так же разглядывал его, хотя знали они друг друга давно. Но надо же выдержать паузу?

В таких делах проигрывает тот, кто начал. Или...

Молчать Тигр мог часами и сутками, неделями и месяцами, так что Пламенный начал первым.

– Император.

– Мертв, – подхватил нить разговора Тигр.

– Но появился новый император. Откуда?

Тигр пожал плечами.

– Я не просто так провел эту ночь. Я ходил в главный храм.

– Так-так...

– С коронацией не все так просто. И с императором тоже.

– Наместник Бога на земле?

– Да, что-то в этом роде. Как пришел к власти император из династии Вороновых?

– Триста лет назад пресеклась старая династия. – Жом Пламенный не любил риторических вопросов, но в том-то и дело, что Тигр их тоже не любил. Если он спрашивает, значит, есть причина. – Народ бунтовал несколько лет, потом на трон общим решением посадили первого Воронова...

– Не совсем так.

– Да?

– Было несколько условий, – кивнул Тигр. – Первое – Воронов был родственником старой династии. Пара капель их крови. Пара капель, этого хватило.

– Несколько условий?

– Второе – была принесена жертва.

– Жертва?

– Да. Ребенок императорской крови, как я понял, какой-то бастард, но тем не менее...

– И?

– Династию Вороновых благословила Хелла.

– Хелла... Языческие бабкины сказки, – хмыкнул Пламенный.

– Возможно. Но с этим хорошо складываются известные нам истины. Говорили, что в предках императора была жрица Хеллы.

– И что?

– Внимание, жом, внимание, – протянул наслаждающийся игрой Тигр. – Те королевские регалии, которые лежат сейчас в сокровищнице, не стоят и ломаного гроша.

– Почему?

Тигр даже залюбовался соратником. Ни шума, ни гама, конкретные вопросы по конкретной теме.

– Они драгоценные, там великолепная художественная работа, но нас интересует единственный камень. Черный, матовый, похож на гематит, но тверже любого алмаза. Он режет алмазы как стекло.

– Такого не бывает.

– Бывает. Един-единственный камень, который, по свидетельству историка, подарила основателю династии сама Хель. Когда принесли жертву, тело ребенка начало иссыхать прахом, а из его сердца на свет появился этот камень. Раньше он был вделан в корону, и именно с его помощью короновали нового императора.

– А сейчас?

– Вот. Жрец рассказал мне интересные вещи. На короне есть... нечто вроде шипа. Один раз его отгибают, во время коронации. Кровь нового императора попадает на камень, и тот получает благословение Хеллы. Признание власти.

– Тогда почему мы так легко разобрались с Петером, если у него есть это благословение?

Тигр пожал плечами.

– Возможны несколько причин. Петер – тряпка, слабак, ничтожество, которое лишь по недоразумению родилось в императорской семье и нацепило корону. Ему бы угольщиком родиться, в самый раз было бы.

– И поэтому Хелла от него отреклась?

– А еще – императорская семья демонстративно верила в Единого Творца. Не в Хеллу. Вы, жом, сколько ее храмов знаете?

– Один. И тот... м-да.

– Я бы на месте богини обиделся.

– Допустим, богиня тоже обиделась. И лишила династию своего благословения. Один раз колокол звонит, когда умирает старый император. Три раза звонит, когда император выбирает наследника.

– То есть у нас есть наследник?

– Практически законный император. Царь-пушку в Борисоглебской крепости помните, жом?

– Да...

– К ней нет ни ядер, ни пороха. Она стреляет один раз, когда наследник принимает трон. Сама стреляет. Без помощи людей.

– Сказки. – Но выглядел жом Пламенный не слишком уверенно.

Какая магия?

Люди на машинах ездят, телеграфом пользуются, телефонируют друг другу, какие тут боги? Сказки все это! Чтобы народишко не бунтовал, ему и капают в уши воском...

Или – не сказки?

– Императорская семья это не афиширует. В курсе буквально несколько человек.
– Давно бы слухи пошли...
– Так слухи и ходят, – пожал плечами Тигр. – Слухи, сплетни... вы им много внимания придаете?

Жом Пламенный поежился. Много внимания? Да он и сам прекрасно такие слухи распускал! Хоть что сочинит, дайте время!

– Что мы можем с этим сделать?

– Боюсь, ничего.

Жом Пламенный нахмурился. Ладно, зайдем с другой стороны.

– Принимает трон? Как выглядит принятие наследником трона?

– Он дает клятву заботиться, беречь, может, есть и еще что-то, но жрец не знает. Сказал, есть ритуалы, но только императорская семья в курсе.

– Таким образом, у нас есть наследник, который признан богиней, но пока еще не принял свое наследство?

– Именно так.

– Если его убьют?

– Если он не передаст свое наследство никому из императорской семьи, линия крови оборвется.

– И что тогда?

Жом Тигр пожал плечами.

Что?

Да кто ж богов знает? Людей-то не всегда поймешь!

– Неизвестно. Страна очутится в подвешенном положении...

– Предлагаете принести жертву Хелле?

– Вполне возможно.

Жом Пламенный покачал головой.

– Нет. Я думаю, надо расспросить... кто у нас там? Гаврюшка?

Жом Тигр хищно ухмыльнулся.

– Он самый. Думаете, он что-то знает?

– Должен хотя бы догадываться.

– Что ж... можно и его расспросить. А я должен уехать.

– Жом Тигр?

Не то чтобы жом Пламенный был против. Слишком уж сильный соратник, слишком уж агрессивный... даже ему было тяжело глядеть в глаза Тигра, но...

Куда уехать?

И в такое время?

Зачем?!

– Я телеграфировал в Зараево. Если у нас происходит... то, что происходит, значит, Петер мертв. Но также – он передал кому-то ключ от престола.

– Сука!

– Безусловно. Вот мне и хотелось бы знать – кто, кому...

– Ваш побратим еще не отчитался?

– Я ждал телеграмму ближе к вечеру. Но... я волнуюсь.

Жом Пламенный не поверил.

Волнуется он, как же! Но с другой стороны...

– Вы хотите съездить в Зараево?

– Да. Даже самый хваткий человек может что-то упустить.

Жом Пламенный улыбнулся каламбуру.

– Что ж. Мне не хотелось бы вас отпускать, жом Тигр, но...

– Я вернусь, – заверил его человек в кресле. И улыбнулся.
И на миг жому Пламенному показалось, что у его собеседника совершенно тигриные клыки. Странно, правда?

Яна. Русина, где-то в дороге

Задница – это не деталь организма, а характеристика ситуации.
Милейший человек сказал, полковник ГРУ в отставке. Правда, он не совсем «задница» говорил, но это уже такие мелочи!

Вот здесь и сейчас Яна была с ним полностью согласна.

Она уже залила почти все горючее.

Она один раз меняла колесо, благо предусмотрительно погрузила себе пару запасных. Цельнолитые каучуковые шины – это, конечно, жуть! Тяжелые, неудобные и гробятся просто врагу на радость.

Какому врагу?

А, не важно! Были б шины, враг найдется!

Нини лежала в машине трупом. У девчонки поднялась температура, и вообще она впадала в беспамятство через каждые пять минут. Врача по дороге не предвиделось. Населенного пункта...

Яна наострила уши.

Колокольный звон!

Отлично!!!

Церковь!

Церковь – это село, село – это люди, а где есть люди, там есть и врачи. Хоть травница какая или повитуха!

Яна потеряла руки. Ну а раз так...

Вперед?

Однозначно!

Яна принялась распихивать сестру.

– Инна, очнись! Нини!!!

Девочка наконец открыла глаза.

– Аннет...

Яна скрипнула зубами в ответ на идиотское имя (ну не нравится оно ей, не нравится!!!) и коснулась губами лба девчонки.

Плохо.

Тут не меньше тридцати восьми, а то и покрепче уже жарит.

– Нини, ты сможешь какое-то время побыть одна?

– Ан-нет?!

– Мне надо сходить в село, привести травницу. Или врача.

– А почему мы не можем поехать вместе?

– Потому что машина – это след. В таком захолустье это как белого медведя на веревочке водить, – разъяснила Яна. – Ты можешь какое-то время побыть одна?

– А если меня кто-то найдет?

Яна, недолго думая, сунула девчонке пистолет.

– Стрелять умеешь? Справишься...

Судя по круглым глазам Нини, в родственниках у Вороновых лемуры отметились. Мадагаскарские.

– Ты... ты что?!

– Смотри сюда! Вот так снимаешь с предохранителя и нажимаешь на курок. Главное, направляй в нужную сторону, а то себе что-нибудь отстрелишь.

– Я не...

– Вернуться хочешь? К милым и добрым людям, которые убили родителей?

Наверное, со стороны Яны это было жестоко. Но Нини перестала хлюпать носом и собралась.

– Н-нет...

– Тогда изволь за себя постоять. Поняла?

– А если я опять лишусь сознания?

– Придется тебе пока с ним не расставаться.

– Я... я...

Яна скрипнула зубами – и погладила девочку по голове. По белокурым пушистым локонам.

– Нини, детка, соберись. Я обещаю, все будет хорошо...

– А...

– Посиди, подумай, в какой стране ты хочешь жить? Мы вылечим тебя и уедем туда, обещаю... денег у нас хватит. Проживем как-нибудь. Замуж тебя выдадим, детей нарожаешь...

– А... а Русина?

– Мне жить хочется. А в этой стране нас с тобой просто за фамилию закопают.

– Аннет, все так плохо? Да?

Яна пожала плечами. У нее пока не было возможности как следует перебрать память Анны, но, судя по освоенному...

Спасибо вам, гугл и интернет. Когда привыкаешь плавать в ваших волнах, начинаешь быстрее искать информацию, осваивать ее, осмысливать. Яна примерно понимала, о чем идет речь, – ну и хватит пока. В основах она потом разберется. А Петер...

Не то чтобы он был плохим монархом. Хорошим он тоже не был, так, серая скотинка. Другие с таким характером и досиживают, и уходят в мир иной под плач любящих подданных... Петеру не повезло.

С таким везением, как у него, и кондуктором-то в трамвае быть стремно – или билеты сопрут, или из трамвая выпихнут.

Начать с начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.